

28 июля

Альвера Албул

16+

Альвера Албул

28 июля

«Автор»

2019

Албул А.

28 июля / А. Албул — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10772-4

События начинаются в конце XIX века с момента рождения главного персонажа. Главный герой из девочки становится девушкой, а затем женщиной, узнавая боль потерь, сталкиваясь с различными проблемами и странностями окружающих людей. Обложка книги создана Поляковой С. А. по личному заказу.

ISBN 978-5-532-10772-4

© Албул А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1 часть	5
12 марта 1893 года	5
25 апреля 1909 года	8
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Альвера Албул

28 июля

1 часть

12 марта 1893 года

Это был холодный день. Мрачный (как тысячи мрачных дней в Англии) и туманный день. Собирался дождь. В салоне первого этажа сидел один мужчина. Сведя брови, он старался читать книгу, позволив экономке как мальчишку загнать его в эту комнату и приказать ему сидеть здесь и найти себе занятие. Со стены на него смотрел семейный портрет, где у всех были такие же сосредоточенные лица.

Улыбнуться мужчина смог себе позволить только когда экономка с нескрываемым восторгом вошла к нему.

– Сер, мистер Фёрт, у Вас родилась дочь, – говорила она, – и она уже удивительно красива. Ваша жена отдыхает.

– Значит, все хорошо? – мужчина захлопнул книгу.

– Более того, все замечательно! Вы можете больше не мучить себя переживаниями. Сер, я могу распорядиться, и Вам нальют чай с травами, если Вы все еще...

– Ох, мисс Даун, Вы очень добры, – он поднялся с дивана, – но я, пожалуй, хочу пройти в свой кабинет. Меня ждут дела.

– Конечно, конечно, – и она начала ему кланяться, когда он выходил из салона.

Он направился в личный кабинет, который находился прямо по коридору, рядом с библиотекой. Прошел внутрь, осмотрел стены, сел в кресло за столом и широко улыбнулся, почти шепотом произнеся:

– У меня родилась дочь.

Свое ликование он излил на стены кабинета, радуясь, что роды, которые обещали пройти тяжело, оказались достаточно простыми, чтоб у него родилась здоровая дочь, и в живых осталась любимая жена.

Ближе к вечеру он навестил их. Его жена лежала в постели, и ее привычная бледность сменилась краснотой щек. А рядом в полотенцах барахталось маленькое слабое существо с большими черными глазами.

– Мисс Даун сказала, что она родилась красивой, – усмехнулся мужчина.

Женщина в ответ засмеялась:

– Перестань, с годами она станет прекрасной.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил ей муж и взял дочь на руки.

– Как назовем дочь? – спросила женщина, поправляя свои спутанные волосы.

– Я помню, мы долго об этом думали...

– Не хотели давать имя, пока не были уверенны, что родится она здоровой, – говорила жена, – но я всегда думала над именем Роузмари.

– Роузмари? Но сейчас так никого не называют, – ответил ей мужчина.

– Я знаю, просто мне очень нравится это имя, а второе можешь выбрать сам, – ответила она.

– Вторым я хочу имя твоей матери, – ответил ей муж.

– Присцила? Но ведь сейчас тоже так никого не называют! – и она рассмеялась.

В ответ на их разговор и смех, маленькая девочка на руках отца громко заплакала.

Так на свет появилась Роузмари Присцила Фёрт.

Шли дни, недели, годы. Девочка воспитывалась родителями, няней и гувернанткой, которая с юных лет должна была возвращать в Роуз благовоспитанную леди, но она из нее никак не получалась. Роуз обожала спорить, ловила рыбу в пруду поместья голыми руками, мочила туфли и пачкала их в грязи, рвала платья и никогда не плакала, когда няне приходилось пользоваться розгами.

– Она не выносима, – проговорила однажды миссис Фёрт, входя к мужу в кабинет, – Роуз снова оборвала шторы в холле третьего этажа.

– Милая, ей три, она мало что еще понимает, – говорил ей муж.

– Я не помню, чтоб матушка говорила мне хоть раз, что б в её возрасте я вела себя подобным образом, – говорила ему жена.

– Милая моя Кетрин, сядь же и успокойся, от оборванной шторы еще никто не умирал, – говорил мистер Фёрт.

– Ты так спокоен, порой меня это обескураживает, – жена все же села в кресло у камина.

– Но кто-то из нас двоих должен же обладать ясностью ума и хладнокровием.

Женщина лишь тяжело вздохнула и перевела взгляд на полки книг, а позже решила сменить тему.

– Писал ли кто из Лондона?

– Нет, милая, совсем никто, но ты можешь сделать это первая. Напиши, например, своей кузине Марте.

– О, нет, я не хочу начинать эту переписку, она снова будет жаловаться в письмах на этот ужасный мир... На мужа, на огромные расходы и постоянные визиты на кладбище! Действительно, ужасная судьба у Марты, как хорошо, Эбенейзер, что ты у меня не держишь похоронное бюро.

– Да упаси Бог, Кетрин, – ее муж усмехнулся.

– Наверное, ты прав, я напишу Марте, – ответила ему жена, – я слишком давно последний раз интересовалась её делами.

– Хотя знаешь, – муж наконец поднял взгляд от бумаг, которые читал, – это очень прибыльное дело.

– О чем ты? – миссис Фёрт глянула на мужа.

– Похоронное бюро, – ответил муж, поднимаясь из-за стола, – люди умирают каждый день, значит и прибыль ежедневная. Людям необходимо оплатить множество вещей, чтоб похоронить усопшего. Думаю, муж твоей кузины имеет хороший доход.

– Эбенейзер! Как низко считать усопших и горе их близких не более чем способом заработка больших денег! – миссис Фёрт покраснела от переполняющих ее эмоций.

– Но ведь так оно и есть, – муж обернулся к жене, – ведь на эти деньги Марта покупает себе туалеты, а ее муж – новые экипажи.

– Порой твоя прямолинейность граничит с бескультурьем, – выдохнула миссис Кетрин, поднимаясь на ноги, – вот в кого наша дочь.

– Роуз прекрасное дитя, – ответил ей муж.

– Конечно, прекрасное, только вздорное, как и ее отец, – ответила женщина, – а теперь я лучше пойду, мне еще необходимо написать письмо кузине и проследить, чтоб Роуз не оборвала еще где-нибудь шторы.

Пусть иногда мистер и миссис Фёрт позволяли себе повышать голос друг на друга, возвращались вечером они в общую спальню, где вели себя так, словно никаких конфликтов днем между ними не было.

Роуз росла, и миссис Фёрт привыкала к ее скверному характеру, несвойственному леди, пусть из всех сил старалась в ней это упразднить. Мистер Фёрт же закрывал глаза на непослу-

шание дочери, из-за чего его жена повторяла не раз: "Ты ее поощряешь!". В ответ мужчина порой мог только пожать плечами.

Роузмари никому не подчинялась, не слушая даже свою гувернантку, систематически не выполняя самостоятельные задания и читая книги, которые хотела сама. Фортепиано стало для Роуз сущим наказанием, когда ее посадили за него в возрасте восьми лет. Девочка упорно отказывалась от многочасовых тренировок игры и заучивания нотной грамоты. В дни, посвященные музыке, Роуз убегала в поле, принадлежавшее ее отцу и отсиживалась там, спрятавшись за сеновал и читая что-то из отцовской библиотеки. Обычно это были книги с картинками, в которых она мало что понимала, просто пробегая глазами по тексту. В этот момент до нее доносились крики ее няни и гувернантки: "Присцила! Присцила!" – откуда-то издали от стен усадьбы. В такие дни миссис Фёрт не могла найти себе места, исписывая бумагу в письмах своей кузине Марте. Последние пять лет их переписка стала постоянной, где миссис Фёрт жаловалась на взбалмошную непослушную дочь и безучастного мужа, поддерживающего распущенность дочери. В ответ кузина Марта писала что-то очень похожее про эгоистичного и несдержанного сына и мужа, что вечно пропадает в своем похоронном бюро, на плантациях и слишком часто отлучается из Лондона по своим делам. Мистер Фёрт же все это время видел в своей дочери просто девочку, пусть иногда капризную, но просто маленькую девочку, на которую взвалили страшно ответственное задание – к восемнадцати годам от роду необходимо было стать благовоспитанной дамой, играющей на фортепиано, умеющей шить, любящей читать и знающей французский язык как родной.

– Невыносимо смотреть, как ты закрываешь глаза на воспитание нашей дочери, – говорила мужу жена.

– А что я должен сделать? Я не умею вышивать, – ответил ей мистер Фёрт, не отрываясь от бумаг.

– Эбенейзер, но ты ведь ни разу ее не наказывал, – женщина сидела в кресле у камина.

– А почему я должен ее наказывать? За что? – мужчина поднял голову и снял очки.

– Она не хочет учиться, – ответила женщина.

– Какое огорчение, ведь в ее возрасте я прям рвался грызть гранит науки, – ответил мистер Фёрт, сдерживая улыбку и возвращая взгляд на бумаги и письма на столе.

– Ты невыносим! – тяжело вздохнула женщина.

Борьба шла бесконечная, так как чем старше становилась Роуз, тем сложнее на нее было воздействовать.

– Я знаю пару арий. Не знаю, почему должна продолжать занятия на фортепиано, все равно, только эти две будут рады услышать в обществе, – сказала однажды Роуз матери.

– Ты должна знать больше, чем две арии, Роуз.

– Зачем? Для кого? Для меня самой лично это не нужно.

– Ты ошибаешься, нужно, – говорила ей мать, – мне нужно.

– Если тебе нужно, то сама и играй.

Миссис Фёрт подобными заявлениями была крайне оскорблена и не смотря на возраст Роуз, ее наказали за это розгами. Но, как и обычно, она осталась непоколебима, ни слезы не скатилось по ее щекам. А позже она продолжила пропускать занятия, объясняя это отсутствием их необходимости.

– Когда ни один жених не согласится взять тебя в жены, ты поймешь, как важно было знать больше чем две арии, – говорила ей мать.

Так Роузмари исполнилось шестнадцать, и ее решили в первый раз привезти в Лондон, к кузине ее матери Марте и ее семье.

25 апреля 1909 года

Дорога обещалась не долгой, но Роуз уже испытывала страх, что в экипаже ей, как и всегда, станет дурно. Ее камеристка в это время стягивала Роуз корсет с такой силой, что Роуз была готова упасть без сознания уже в своей спальне.

– Не так сильно, – проговорила она, а потом словно опомнившись добавила, – пожалуйста.

– Простите, мисс Фёрт, – девушка завязала шнурок корсета, – теперь само платье. Она помогла ей одеться.

Роуз к шестнадцати была слабо похожа на девочку, что когда-то пыталась ловить рыбу в пруду поместья руками, но по мнению ее матери, ее воспитание было далеко от идеала.

Ее волосы вились крупными локонами, веснушки, что были в детстве яркими рыжими пятнами, посветлели, и их было плохо видно на коже. Волосы с возрастом слегка потемнели и стали русыми. Внешне она была похожа на леди, но внутри нее шла вечная война между послушанием и бунтарством. Всем своим существом она ненавидела платья, что висели в ее шкафу, корсет, что затягивали на ней так крепко, что не хватало воздуха, и все эти правила и манеры, которые ей было необходимо соблюдать. Она стояла в своей комнате, пытаясь отдышаться, но из-за корсета воздуха ей решительно не хватало. Казалось, что от удушья она вот-вот упадет в панику, но дверь в ее комнату открылась.

– Ты готова, Роуз? – это была ее мать.

– Почти, матушка, – ответила девушка, и камеристка надела ей на голову шляпу, ловко завязав зеленые ленты.

Они втроем вышли на улицу, где их ожидал мистер Фёрт.

День выдался облачным и прохладным, казалось собиралась гроза, и порывистый ветер рвал кроны деревьев и кусты цветов. Это радовало Роуз, так как подобная погода позволяла ей крепко стоять на ногах, не смотря на нехватку воздуха.

– Мои милые дамы, – обратился мистер Фёрт к жене и дочери, – проходите в экипаж, нам пора отправляться. И Вы, мисс Хенсли, садитесь.

Больше всего Роуз ненавидела экипажи, так как в них ей всегда становилось плохо, но в этот раз, прижавшись головой к спинке сидения, и пытаясь обходиться небольшими порциями воздуха, она смогла доехать до Лондона, ни разу не потеряв сознание.

Столица Англии встретила её солнечной теплой погодой, и пока они ехали по городу, Роузмари внимательно разглядывала его через окно. Пекарни, лавки с мясом или рыбой, банки. Этот город был огромен и настолько шумным, и активным, что Роуз казалось, словно она попала в муравейник. Она разглядывала мужчин и женщин – кто-то был одет скромно, кто-то был в лучших туалетах, но все шли в общей толпе горожан по мощенным улочкам.

– Марта будет рада, наконец, увидеть тебя, – говорила миссис Фёрт, – ведь последний раз она видела тебя, когда тебе было всего пять месяцев от роду.

– А я, так можно считать, увижу ее первый раз, – ответила Роуз.

Миссис Фёрт уже хотела что-то сказать, но заговорил её муж:

– Миссис Марта Фергюсон понравится тебе, – говорил он, – она живет вместе со своим мужем мистером Гарри Фергюсоном, и у них есть сын. Эдвард.

– Да, он старше тебя всего на два года, будет интересно познакомиться с молодым человеком, про которого я столько прочла в письмах Марты, – говорила миссис Фёрт.

Ей ответила Роуз:

– Он уже совсем взрослый, сомневаюсь, что мы проведем много времени в его компании. Он должно быть все время проводит с друзьями среди прелестных дам.

– Я слышан, что у него много друзей в кавалерии, а уж зная нрав некоторых молодых людей, могу с тобой согласиться, – ответил ей отец, в то время, когда миссис Фёрт была готова разразиться тирадой о глупостях, сказанных ее дочерью.

– Ты не должен поддерживать подобные мысли в ее голове, я больше чем уверена, что Эдвард благовоспитанный молодой человек, – щеки женщины покраснели.

– Конечно, благовоспитанный, мы же ничего не говорили о том, чем именно он занимается с этими прелестными дамами, – ответил ей муж.

Щеки миссис Фёрт казались красными как свекла, а возмущение ее не могло найти способа выплеснуться. Мисс Хенсли, что сидела рядом, так же была смущена. А Роуз всеми силами сдерживала улыбку.

– Не смейте заявить хоть что-то подобное при моей кузине! Помяни мое слово, Роузмари, я накажу тебя так, как никогда прежде.

Голос миссис Фёрт был настолько строг, что Роуз больше не пришлось сдерживать эмоции. В экипаже повисла тяжелая тишина, и девушка перевела взгляд на вид из окна.

Вскоре лошади остановились, и Роуз обратила внимание, возле какого особняка они оказались. Прислуга дома поспешила встретить гостей, и вскоре все четверо входили в дом, встречаемые миссис Фергюсон.

Снаружи дом был прекрасен. Выбелен, с большими окнами, стекла в которых на солнце казались серыми. Внутри дом был роскошно обставлен, не столь роскошно как поместье Фёрт, но Роуз понравилось.

– Милые мои, как я рада видеть вас! Столько лет спустя! – миссис Фергюсон широко улыбалась. – Роузмари, ты расцвела! Прекраснее леди, я уверена, я нигде не сыщу!

Не успела девушка ответить благодарности, как хозяйка дома продолжила:

– Ох, Кетрин, а ты за эти годы совершенно не изменилась! Так же молода и красива! Дай рецептик сохранить молодость, а то я совсем состарилась...

Миссис Фергюсон была старше миссис Фёрт на пару лет.

– О, милая моя кузина, ты прекрасна точно так же, как и двадцать лет назад, боюсь, это тебе придется делиться рецептом, – ответила ей женщина.

– Ой, что ты, Кетрин, ты меня прям всю засмущала, – отвечала Марта, – а как поживаете Вы, Эбенейзер? Я смотрю эти шестнадцать лет мимо Вас не прошли.

– Да, и с этим сложно не согласиться, – отвечал мистер Фёрт, – годы, знаете ли, всегда берут свое.

И мужчина поправил волосы, в которых в некоторых местах была видна седина.

– Вы меня простите, что я встречаю вас одна. Мой муж сейчас отлучился в банк, здесь неподалёку – какие-то важные дела. А мой сын с друзьями, они решили провести сегодняшний день вместе, но к вечеру он явится.

Гостей провели внутрь, под постоянные слова миссис Фёрт, как рада она наконец оказаться здесь, рядом со своей троюродной сестрой, с которой столько лет они могли поддерживать связь только через письма. Роуз показали ее комнату, в которой она будет жить весь следующий месяц пребывания в Лондоне. Рядом была комната ее камеристки.

Когда вещи были разложены и разобраны, гостей пригласили вниз к столу, и теперь их встречала вся семья.

Роуз была удивлена, увидев мистера Фергюсона старшего, так как он оказался на целую голову ниже своей жены, с выпирающим округлым животом, лысой макушкой и мог говорить только о своем похоронном бюро, порой говоря не совсем приятные вещи о смерти, людях и огромной денежной прибыли от этого. Его жена, слушая это, лишь счастливо улыбалась, как казалось Роуз, мечтая о новых туалетах, купленных на заработанные мистером Фергюсоном деньги.

Эдвард Фергюсон был одного роста с матерью. Худошав и достаточно молчалив. Он говорил только тогда, когда от него это требовалось, и, холодно встретив гостей и познакомившись с Роуз, он замолчал на большую часть вечера. Его волосы были черными как смоль в отличие от Роуз, и глаза были карего цвета. Роуз он показался замкнутым и неинтересным.

– Роуз, уверена, хорошо умеет играть на фортепиано, – заговорила миссис Фергюсон.

– Да, конечно, она может сыграть нам после ужина, – говорила миссис Фёрт, когда уже все сели за стол и ждали подачу еды.

– Отлично, я очень давно не слушала игру юных дам.

Роуз неуверенно подняла взгляд, осмотревшись вокруг, одновременно понимая, что это скрытая материнская месть за то, что та в свое время хотела обойтись знанием всего двух арий.

Подали еду, и Роуз уже ни на кого не обращала внимания, кроме своей тарелки. Она слышала, как миссис Фергюсон общается с ее матерью, как им что-то отвечает ее отец, и как очень редко что-то говорил мистер Фергюсон старший, обычно сводя разговор к его похоронному бюро. Эдвард молчал, и это радовало Роуз, так как обратное вынуждало бы участвовать в беседе.

Подавали индейку в остром соусе, тушенные овощи и вареный картофель, а все это родители Эдварда и Роузмари запивали крепким вином, поэтому со временем их разговоры стали громче, шутки пошлее, а смех закатыстее.

Вдруг, раскрасневшийся от вина, мистер Фергюсон старший заговорил, о чудо, не о похоронном бюро.

– Эдвард у нас завидный жених, многие леди, проживающие в Лондоне, хотели бы быть здесь хозяйками.

– Да, дом Ваш, мистер Фергюсон, просто потрясающий, – ответила ему миссис Фёрт.

– Спасибо, милая моя, – ответил мужчина, – и этот дом достанется одной прекрасной девушке.

– Да, все никак не могли вам сообщить, но мы готовимся к свадьбе, – говорила миссис Фергюсон, – о, кухня моя, боюсь вам снова придется приехать к нам в начале осени, так как на пятнадцатое сентября у Эдварда назначена свадьба с уважаемой мисс Стрикленд.

Ее слова подтвердил её муж.

– Да, ее отец, мистер Джозеф Стрикленд занимается банковским делом. Как по мне, это очень выгодный брак.

В этот момент Роуз уже не слушала, что говорят взрослые. Она бросила незаметный взгляд на Эдварда, и поняла, что он совершенно не одобряет этот брак. Его лицо сделалось бледным, и он судорожно сглотнул. Эта мисс явно была ему не по душе.

– Мы еще не думали о будущем браке Роузмари, – вдруг девушка услышала свое имя и вернула свое внимание к тому, что говорят взрослые.

– Но как же так? Ей же уже шестнадцать, – говорила миссис Фергюсон.

– Мы дадим ей выбор, – ответила миссис Фёрт.

– Но, если она приведет к вам бедняка? – шепотом сквозь зубы спросила миссис Фергюсон, и теперь Роуз, опустив как можно ниже лицо, чувствовала на себе взгляд всех, присутствующих за столом.

Миссис и мистер Фёрт решили этот вопрос оставить без ответа, и ужин закончился в тяжелой тишине.

Когда все вышли из-за стола, Роузмари подвели к фортепиано.

– Что ж, милая, сыграй нам, – попросила миссис Фергюсон.

Сама она расположилась в кресле, обмахиваясь веером. Рядом с ней стоял её муж. Эдвард присел на софу, рядом с миссис Фёрт, а мистер Фёрт остался возле фортепиано.

Роузмари заиграла одну из двух арий, которую знала. Она была так натренирована в этом, что даже не опускала глаз на клавиши. А чуть позже по комнате разнесся ее голос – она пела. Все слушали, не смея перебить, а когда она закончила, миссис Фергюсон зааплодировала.

– Кетрин, какая же она у тебя талантливая! Я вижу, как много труда было в нее вложено.

– Спасибо, моя дорогая кузина, – ответила миссис Фёрт.

– А мне ведь даже похвастаться нечем! – с обидой воскликнула миссис Фергюсон. – Посмотри, Эдвард, какая прекрасная дочь у моей кузины. Вот к чему нужно стремиться!

– К чему же, матушка? – спросил Эдвард. – Вы вроде как уже определились с выбором мне невесты.

– К самосовершенствованию, Эдвард! – ответила ему мать. – Я имела ввиду только огромный труд над своими способностями.

Эдвард хотел ей что-то сказать, его губы уже хотели зашевелиться, но он вдруг сжал их и отвернулся. В этот момент Роуз почувствовала печаль и даже какую-то жалость, что вылилась из нее чистосердечным признанием.

– Не переживайте так, миссис Фергюсон, и не изводите Эдварда. Поверьте мне сейчас, пожалуйста, что я не пытаюсь защитить его или оправдать, или каким-либо образом оскорбить Вас и мою матушку, но я не такая замечательная, как Вам могло показаться за время моего присутствия в Вашем доме -, я знаю только две арии и больше ничего играть не умею.

В доме повисла тишина. Все были в полной растерянности, а Эдвард поднял на Роуз взгляд, наполненный чем-то незнакомым для девушки. Она сочла это уважением и благодарностью.

Миссис Фёрт через секунду покраснела, и Роузмари не могла понять от чего больше – от стыда или гнева. Ее отец просто замер, не зная, как себя повести, в принципе, как и мистер Фергюсон. Всю ситуацию сгладила миссис Фергюсон, видимо так и не понявшая, что слова Роуз правда. Она просто вдруг раскрыла веер и не громко засмеялась.

– Ох, очаровательная Роузмари, ты неоправданно добра к моему сыну. Не защищай его, ведь я как никто другой в этой комнате знаю способности моего сына и нежелание их развивать. Не стоит, милая мисс Фёрт, принижать себя для чьей-либо защиты, пусть лучше он видит, как ты замечательна, и пытается тянуться к твоему уровню.

После слов кузины щеки миссис Фёрт снова вернулись к своему естественному цвету, и все вокруг, казалось, снова задышали.

– Роузмари всегда отличалась добрым нравом, – проговорила миссис Фёрт.

– Это радует, так как знаешь, Роуз, доброты сейчас в этом мире не хватает, – выдохнула миссис Фергюсон.

После этого женщина изволила играть в карты и попросила миссис Фёрт с ней сыграть. Мужчины начали обсуждать что-то свое, в чём Роуз было бы неправильно участвовать. Сначала она обошла всю комнату, осмотрела картины и занавески. Она не долго изучала комнату, а потом начала испытывать скуку.

Эдвард оставался на софе, и Роуз села с ним рядом.

– Мисс Фёрт, это правда, что Вы знаете только две арии? – спросил Эдвард.

– Простите, – Роуз растерялась, но потом все равно ответила, – да, это правда.

– Как же так? Я считал, что все леди воспитываются в строгости.

– В ужасной строгости, мистер Фергюсон.

– Но знаете Вы только две арии, – напомнил юноша.

– В дни, когда меня должны были мучить игрой на фортепиано, я убегала в поле.

Эдвард был готов рассмеяться, но не зная, как на это способна отреагировать Роузмари, лишь выразил свое восхищение ее находчивости, силе духа и бесстрашии.

– Должно быть порка была достаточно часто, – говорил он.

– Она была регулярно, матушка все пыталась сделать меня благовоспитанной леди, – ответила Роуз.

– Получилось?

– А как Вы думаете, мистер Фергюсон, похожа ли я на благовоспитанную леди?

Не успел Эдвард ответить, как его опередила его мать.

– Милый мой, надеюсь, ты с мисс Фёрт обсуждаешь прочтенные книги и на французском?

– Oui, maman est exactement ça [1], – ответил ей Эдвард.

– Замечательно, а ты, Роузмари, говоришь по-французски?

Роуз ответила по-французски.

Чужой дом есть чужой дом. Поэтому Роуз испытывала странную тоску, попав в свою спальню, когда на улице уже стало смеркаться. Она обошла эту небольшую комнату, выполненную в светлых тонах, проводя рукой по ткани занавесок, ровной поверхности письменного стола и по корешкам книг в шкафу. В комнате было уже почти полностью темно. Последние лучи угасающего солнца слабо освещали мебель комнаты.

Ненавистный корсет наконец можно было снять. Роуз не стала звать свою камеристку, нещадно срывая с себя ленты, платье, скидывая подъюбники, пенье и самое долгожданное – корсет. Стоило только Роуз распустить узел шнурка, как она смогла наполнить легкие воздухом. Он был так для нее желанен, что она еще долго стояла, прижавшись к стойке кровати и глубоко дышала, пока все-таки не сбросила корсет на пол.

С содроганием Роузмари думала о наступающем утре, так как ее снова ждали издевательства в виде жесткого корсета и тяжелого платья.

Ночь прошла незаметно, пусть Роуз ужасно беспокоилась, что сон не придет к ней в чужой постели. А утро подготовило ей множество неожиданностей.

– Это автомобили, Роузмари, это – будущее, – говорил мистер Фергюсон старший, увидев с каким восторгом смотрит на экипажи без лошадей девушка.

Сегодня она шла в легком платье с мягким корсетом, и только это было способно привести ее в восторг, ведь ничего не мешало ей дышать всей грудью.

Мистер Фергюсон старший согласился сопроводить Роузмари и миссис Фёрт во время дневной прогулки, во время которой они планировали купить для Роуз новые ленты к платью.

– Но как же они ездят, мистер Фергюсон? Я не вижу лошадей.

– В этом то и вся прелесть, моя дорогая, – ответил мужчина, – лошади больше не нужны. Внутри каждого автомобиля есть двигатель, он заставляет колеса вращаться. Говорил ли я, миссис Фёрт, что желаю подписать контракт с одной компанией и стать хозяином завода этих прекрасных автомобилей?

Миссис Фёрт рассматривала редко движущиеся в общем потоке экипажи без лошадей с меньшим интересом.

– Нет, насколько я припоминаю, Вы не говорили об этом.

– Так вот теперь знайте, очень скоро я запущу собственную линейку автомобилей. Это будет фурор!

– А как же похоронное бюро? – заговорила Роуз. – Как-то странно всю жизнь хоронить людей, а потом начать производить автомобили. Сомневаюсь, что кто-то купит автомобиль у гробовщика.

Слова дочери ввели миссис Фёрт в страшное негодование, которое она могла выразить дочери только в виде очень недовольного прямого взгляда.

Мистер Фергюсон старший в ответ промолчал, а миссис Фёрт решила, как можно скорее сменить тему и отвлечь его от мыслей, которые могли навести ему слова ее дочери.

– Сегодня изумительная погода, что прям неожиданно для Лондона, – говорила она, – мы здесь второй день, и небо чистое, солнце яркое.

– Соглашусь с Вами, миссис Фёрт, в этом году весна выходит удивительно приятной.

– Меня это так радует! Шел бы сейчас дождь, смогли бы мы вот так пройтись? Погода так и шепчет прогуляться. Все для нас, Роузмари, пока мы в Лондоне.

Миссис Фёрт словно сглазила погоду, потому что ночью усилился ветер. К утру он принес тяжелые грозовые тучи, и весь следующий день над городом был тяжелый туман, и шел ливень.

Насилие и убийства были всегда, поэтому на третий день пребывания семьи Фёрт в Лондоне, все газеты трубили только одно. В своей спальне была обнаружена миссис Барнетт, мертвая. Журналисты не стеснялись описывать в мелочах, как было измято ее платье, как была повернута голова мертвого тела, что все вокруг было в крови, а когда полиция проникла в дом, в спальне убитой играл граммофон. Миссис Барнетт кто-то перерезал горло, и Лондонская полиция считает, что это мог быть её муж. Сенсация! Скандал! Газеты разносились по домам, а на улицах они скупались с огромной скоростью.

Очень сильно были убиты этим горем мистер и миссис Фергюсон, так как убитая была тётёй невесты Эдварда. Это заставило их навестить семью Стрикленд, где миссис Фергюсон как могла искренне выражала соболезнования, надеясь, что событие не отложит свадьбу на неопределенный срок. А мистер Фергюсон не упустил возможности предложить свои услуги. Эдварда они в обязательном порядке увезли с собой.

В этот вечер ужин прошел в неприятной тяжелой тишине, и после него никто не звал Роуз к фортепиано. В какой-то миг она поймала себя на ужасной мысли, что рада, что из-за таких печальных событий никто не заставляет её играть на фортепиано.

После ужина мистер Фергюсон старший и мистер Фёрт сидели на диване в дальней части комнаты, обсуждая что-то с очень серьезными лицами. Их жены играли в карты под постоянные вздохи миссис Фергюсон о том, как сильно она печалится о кончине миссис Барнетт.

Роузмари сидела на софе у окна, наблюдая, как Эдвард в кресле в другой части комнаты читал книгу.

Ей было скучно и очень хотелось с кем-то поговорить.

Медленно она прошла к юноше, думая с чего она могла бы начать разговор.

– Позвольте, мистер Фергюсон, отвлечь Вас от книги, – заговорила она.

– Позволяю. Вы, я уверен, изнываете от тоски и жаждите чего-либо внимания.

Он закрыл книгу и поднял на Роуз взгляд.

– Вы очень проницательны.

– Боюсь, что это не так, – ответил юноша и поднялся на ноги, – просто последние минут десять я чувствовал на себе Ваш взгляд.

Роуз замерла, не зная, как себя вести. Ее мать в такие моменты обычно сильно краснела и рассыпалась в тираде громких слов и обещаний порки.

– Простите, мисс Фёрт, я смутил Вас. Должно быть стоило выразиться иначе. Все это время я видел, что Вам нужна чья-то компания, и Ваш выбор пал на меня.

Роуз не знала, что сказать, и юноша растерялся:

– Снова не то?

Теперь Роузмари не смогла сдержать смех. Растерянное лицо мистера Фергюсона казалось ей смешным, но при этом она помнила про семейный траур, поэтому поспешила как можно быстрее успокоиться, бросая взгляд на миссис Фергюсон, надеясь, что она ничего не заметила, или сделала вид, что не заметила.

– Все хорошо, я Вас поняла. Что это за книга?

– Какие-то глупости, читаю, потому что больше нечем заняться, – ответил ей юноша.

Они долго разговорили обо всем, но при этом ни о чем, и вечер считался законченным. Роузмари поспешила к себе.

На следующий день решила оказать ответный визит семья мистера Стрикленда. Роуз все думала, что Эдварду будущая невеста неприятна в связи со своей отталкивающей внешностью

и тупостью ума, но в то утро внизу Роузмари увидела вполне привлекательную девушку с тонкими чертами лица и ясными глазами. Волосы были темными, густыми, тяжелыми. И весь её образ говорил о печали, которую она испытывала либо от мысли о смерти тётушки, либо от близости будущего мужа, к которому нежных чувств не испытывала.

Родители девушки выглядели каменными изваяниями, очень внешне похожими. Она была высокой и очень худой с длинными холодными пальцами. Волосы её были чёрными, убранными в изящную, но скромную причёску, в которой были видны заколки с жемчугом. Платье было тяжёлым, длинным, пахло нафталином. Её муж был таким же высоким, с вытянутым лицом и крючковатым носом. И оба обладали проникающим в душу, тяжёлым, высасывающим всю радость взглядом.

Рядом с ними их дочь выглядела приемной.

В тот момент, когда Роуз представили новым гостям, она поняла, что Эдвард не хочет этого брака не из-за отсутствия нежных чувств к мисс Стрикленд, а от ужаса перед её родителями.

– Очень приятная леди, – проговорила миссис Стрикленд, глядя на Роуз, своим низким неприятным голосом.

– Да, определенно, – подтвердил ее слова муж.

Роуз вся сжалась изнутри, чувствуя ужас перед этими людьми. Ей хотелось, чтоб день их пребывания в этом доме закончился как можно скорее. Она видела, что их присутствие так же угнетает и пугает Эдварда.

Даже родители Роузмари были растеряны при знакомстве с мистером и миссис Стрикленд, но очень старались произвести впечатление.

Вайолет (так звали мисс Стрикленд) была очень скромной девушкой. Это сразу заметила Роуз, так как она была полной противоположностью последней. С Эдвардом они не разговаривали, не переглядывались и делали вид, словно для них друг друга не существует. Роузмари сочла, что девушка её ровесница.

За обеденным столом была тишина. А во время досуга к разговорам Эдварда и Роузмари все-таки присоединилась и Вайолет.

Роузмари совсем изныла от тоски, оттого общение решила совместить с вышиванием.

– Мисс Фёрт, так Вы здесь в гостях? – спросила девушка.

– Да, Вы правы, – ответила Роузмари, – миссис Фергюсон кузина моей матери. Мы приехали навестить родственников.

– Простите за чрезмерное любопытство, но откуда Вы? Эдвард мне не рассказывал, что у него есть родственники за пределами Лондона.

– Я вообще мало, что Вам рассказывал, мисс Стрикленд, – проговорил мистер Фергюсон.

– Ничего страшного, я в силах рассказать про себя сама, – ответила Роузмари, – я живу со своими родителями в Бедфордшире, в Лутоне. У моего отца имение, усадьба и целое поле. Он занимается производством молока и говядины, разводит лошадей. Так же у него имеются акции и пара магазинов в Лондоне.

– Мне очень интересно, мисс Фёрт, каких именно магазинов хозяин Ваш отец? – спросила мисс Стрикленд.

– Я точно не знаю, – Роуз пожала плечами, – насколько мне известно, один магазин торгует мясом, яйцами и молоком, а другой – тканями и лентами.

– Потрясающе, – проговорила мисс Стрикленд, – мой отец лишь держит центральный Лондонский банк, и ему этого хватает.

На какое-то время снова повисла тишина. Роузмари с головой ушла в вышивание, но её отвлек Эдвард.

– Вы замечательно вышиваете, мисс Фёрт.

– Спасибо, мистер Фергюсон.

– Это пейзаж? Мне что-то аж самой захотелось что-нибудь да вышить. Я помню, однажды вышивала пейзаж, да такой большой, что получилась целая картина.

Вайолет не могла остановиться, нахваливая свою вышивку, на которой вышила все до мелочей. Там был хвойный лес, шишки, и Вайолет так старалась, что в шишках даже видно семечки.

В этот момент Роузмари поняла, что Вайолет освоилась, привыкла к их компании и могла начать себя нахваливать. А чуть позже выяснилось, что ей девятнадцать.

От вечера у Роузмари остались смешанные чувства. Вайолет оказалась болтливой, чрезмерно любезной и не смотря на всю свою внешнюю привлекательность, крайне неприятным человеком. Эдварда теперь она понимала, потому что на его месте ни за что не согласилась бы на подобный брак. Для неё казалось ночным страшным сном родство с этими людьми.

Родители Вайолет были ещё хуже. Они всем своим видом давали понять своё истинное отношение к семьям Фёрт и Фергюсон. Миссис Стрикленд бросала недовольный холодный взгляд то на Роуз, то на её мать. А мистер Стрикленд отказался от общения с мистером Фёрт.

– Поистине неприятные люди!

– Эбейзер, умоляю, – выдохнула миссис Фёрт, – я очень устала и хотела бы отдохнуть.

Они уже были в спальне, что им выделила миссис Фергюсон. Женщина уже осталась в ночном халате, расстелила постель. Ее муж в полном негодовании ходил по комнате туда и обратно.

– Ты видела, как эта дамочка смотрела на нашу дочь? – спросил он у жены.

– Милый, – женщина была готова вспылить, – ложись отдыхать.

– Она смотрела на неё как...

– Эбейзер! – почти крикнула мисс Фёрт. – В постель. Бегом. Сейчас же. Если ты не замолчишь и не ляжешь спать, то я за себя не ручаюсь.

Мистер Фёрт тяжело вздохнул и начал раздеваться.

Прошли четыре дня в Лондоне, и не один из них не принёс Роузмари удовольствия.

Пришло воскресенье, и открытием для Роузмари стало то, что семья Фергюсон до безобразия набожная. Они с таким усердием собирались в церковь на службу, что казалось, словно они собрались в ресторан. По Эдварду было видно, что идти он не хочет, но под командованием своей матери все же посетил службу.

– Кетрин, а Вы что, в церковь не собираетесь? – словно случайно обронила миссис Фергюсон.

Теперь в церковь собирались все вместе, и Роузмари попросили надеть одно из лучших платьев.

Оно оказалось с жестким корсетом, который ее камеристка словно специально стянула с такой силой, что даже маленький глоток воздуха стал для Роузмари практически невозможен.

– Мисс Хенсли так стянула мне корсет, – жаловалась Роуз матери.

– Я так велела, чтоб все видели какая ты стройная.

Ответ миссис Фёрт поразил Роуз, но та не стала ей ничего отвечать. Ее беспокоило только одно – явный недостаток воздуха.

Как Роуз и предполагала, самыми первыми, кого они увидели, подходя к церкви, были мистер и миссис Стрикленд со своей дочерью.

Миссис Фергюсон, увидев их, моментально рассыпалась в любезностях. Ее муж очень долго кланялся, а Эдварду даже не хотелось здороваться с ними, но все же он сделал это, но очень холодно и отстранённо, словно здоровался со стенами.

– Ваши милые родственники с Вами, – заметила миссис Стрикленд.

Голос ее был очень неприятен.

– Доброе утро, миссис Стрикленд, удивлены видеть Вас в церкви, – говорила миссис Фёрт.

– Мы относимся к тем, кто Бога не забыл, не смотря на технологический прогресс и праздность жизни, – проговорил мистер Стрикленд.

В ответ миссис Фёрт лишь согласно кивнула.

Весь этот поход в церковь был не более, чем попыткой снова свести в разговоре Эдварда и Вайолет, но они были холодны друг к другу. Эдвард усердно делал вид, словно ему интересна проповедь, а Вайолет пыталась не уснуть, все время поправляя свои перчатки и шляпку. Роуз-мари слушала священника, который читал проповедь удивительно нудно и монотонно. Она уже хотела скорее покинуть церковь, здесь она чувствовала себя ужасно неуютно. Во-первых, она не привыкла к походам на воскресную службу, она не привыкла к церкви в целом, так как в Лутоне, не смотря на количество церквей, без её желания, в церковь её не вели. Во-вторых, воздуха совсем не хватало. Людей было много, и они все прибывали и прибывали. В конце концов в церкви сталолюдно и жарко, стояла смесь запахов ладана, духов или потных тел рабочих, что пришли на службу.

Понимая, что задыхается, Роуз пыталась не поднимать паники. Она все ждала, когда все поднимутся со своих мест и покинут церковь. Ей был нужен свежий воздух. Но служба все не кончалась и не кончалась. Роуз-мари разглядывала витражные окна и трепещущие огоньки зажженных свечей, надеясь, как можно скорее оказаться за стенами божьего храма.

– Матушка, – было единственным, что успела сказать Роуз перед тем как потерять сознание.

Тьма перед глазами, удар головой о спинку скамьи перед ней, чьи-то возгласы и резкий солнечный свет в глаза. Первое, что услышала Роуз был низкий и неприятный голос миссис Стрикленд:

– Кто же стянул бедной девушке так корсет? Вам стояло бы поговорить с её камеристкой. Она, не дай Боже, однажды так и убьёт Вашу дочь. Ей же было просто нечем дышать!

Открыв глаза, Роуз обнаружила, что сидит на скамье у церкви, окружённая взволнованными близкими и толпой зевак.

Корсет был все так же крепко завязан.

– Простите меня, пожалуйста! Я вероятно доставила столько хлопот! – заговорила Роуз. – Я не хотела заставлять вас беспокоиться.

Миссис Стрикленд снова заговорила:

– На Вашем месте, миссис Фёрт, я бы отвезла дочь обратно в дом и передела бы её. Что за мода? Ведь давно уже доказано, что корсет вредит здоровью.

Миссис Фёрт прислушалась к совету, и уже через полчаса Роуз-мари была в своей спальне в легком платье без корсета, наслаждаясь глубокими глотками воздуха.

Она спустилась вниз, довольная тем, что теперь ничто не мешало ей дышать. Внизу было тихо, на часах было всего два часа дня. В гостиной на первом этаже у окна сидел Эдвард, голоса миссис Фёрт и Фергюсон доносился откуда-то из коридора.

– Как Вы себя чувствуете, мисс Фёрт? – вдруг спросил мистер Фергюсон.

Роуз-мари прошла в комнату к Эдварду.

– Мне значительно лучше! Спасибо. Рада наконец дышать полной грудью.

– Вы всех испугали там, в церкви. Все кинулись Вам помочь, вынести на улицу. Даже священник поучаствовал, принёс воды и был одним из тех, кто посадил Вас на скамью.

– Зачем же Вы рассказываете мне это, мистер Фергюсон? – спросила Роуз-мари, испытывая смущение. – Мне так стыдно, что я сорвала службу.

– Вы её не срывали, Вы потеряли сознание уже в самом конце, – ответил юноша.

– Мне очень жаль, что я заставила всех беспокоиться.

– Вашей вины нет в произошедшем, не Вы же создавали женскую моду и прописывали стандарты красоты. Виноват тот, кто решил, что женщина может спокойно жить не дыша.

Роуз-мари почувствовала облегчение, и позволила себе тихо засмеяться в ответ.

– Спасибо, мистер Фергюсон. Вы успокоили мои переживания.

– Называйте меня Эдвардом, я ненамного старше, да и мы вроде как родственники.

– Хорошо, Эдвард, тогда называйте меня Роузмари.

Он слабо улыбнулся и слабо кивнул ей в знак более близкого знакомства.

– Вы сидите здесь совсем один, – заметила Роуз, – Вам не одиноко?

– Бывает иногда, но сейчас мне во спасение со мной в одном доме живет прекрасная леди, благодаря разговорам с которой я не чувствую себя одиноким.

Щеки Роузмари начало приятно покалывать, и она почувствовала, как краснеет.

– Неужели речь обо мне, ми... Эдвард? – спросила она.

– Я обратил внимание, Вы редко бываете в церквях, – мистер Фергюсон проигнорировал вопрос девушки, поменяв тему, – в Лутоне Вы их посещали?

– Очень редко, – Роуз почувствовала разочарование, – тема эта вообще серьезная и сложная, боюсь сказать что-то неправильное, но моя семья редко посещает церковь из-за недостаточной набожности.

– Я понимаю Вас. Моя семья начала ходить в церковь только тогда, когда выяснилось, что Вайолет там каждое воскресенье, а родители все мечтают, чтоб я взял её в жены.

– А Вам она не нравится? – спросила Роузмари.

Юноша усмехнулся, прошёл к дивану и сел на него. Роуз там уже сидела.

– Я почему-то сейчас вспомнил моих родителей. Они бы начали отвечать с «милая моя Роузмари», но я не хочу начинать свой ответ так.

– Скажите просто прямо, – попросила Роуз, – нет ничего ужасного в том, что к Вайолет Вы не испытываете нежных чувств и привязанности.

– Не испытываю. Вы правы. Но к сожалению родители сочли этот брак единственным возможным.

– Неужели в Лондоне больше нет подходящих Вам невест? – удивилась Роуз.

– По мнению родителей, нет.

Роузмари замолчала. И Эдвард тоже не осмеливался что-то говорить.

Ближе к вечеру в дом снова явились гости, которые никаких тёплых чувств ни у кого не вызывали, кроме миссис Фергюсон, которая практически кинулась открывать им двери, говоря любезности и отсыпая комплименты. Со стороны это смотрелось настолько нелепо, что Роуз пришлось практически насильно сдерживать собственные эмоции.

Миссис Стрикленд вызвала у Роузмари противоречивые чувства, но в них все равно побеждало отвращение и беспричинная злоба, которую хотелось выплеснуть ядовитой фразой словно случайно слетевшей с языка. Особенно хотелось сказать это про её длинные пальцы и вытянутое лицо с надменным взглядом.

Как выяснилось, гости прибыли узнать, как чувствует себя мисс Фёрт, но сердце Роуз это не растопило, так как девушка прекрасно видела, что миссис Стрикленд хочет только продемонстрировать свою власть и авторитетность, потому что когда все прошли в гостиную, она сразу же обратилась к миссис Фёрт:

– Вам стоит пересмотреть туалет своей дочери. Корсеты ей категорически нельзя носить, судя по её дурному самочувствию сегодня в церкви, что могло, упаси Господи, привести к кончине. Хотя тогда, – женщина окинула взглядом будущего родственника, – у мистера Фергюсона появилась бы возможность заработать.

– Что Вы, миссис Стрикленд, – мужчина, казалось, подавился, – для своей семьи я сделал бы все бесплатно.

Роузмари стало дурно от подобной беседы, и она почувствовала, как закружило голову. Мысль была одна, чтоб разговор был сейчас же хоть кем-нибудь прерван, но гостя продолжала.

К счастью, она увидела Эдварда, который пересел к ней ближе и позволил слегка облокотиться на свое плечо.

– То, платье, миссис Фёрт, что сейчас на Вашей дочери, мне нравится. Оно выглядит достаточно скромно, но Вашу дочь это только красит. Хотели бы Вы, чтоб я дала пару адресов замечательных ателье, где мы шьём платья для Вайолет? Выйди вперед и немного покружись.

Девушка подчинилась, кружась в центре гостиной.

– Замечательная ткань, а как её пошили! – восхищалась миссис Стрикленд. – На Вайолет это платье выглядит просто чудесно. Как Вы думаете, миссис Фёрт?

Было видно, что мать Роуз оскорбили слова гостыи, но та, распахнув веер, очень старалась сделать свой голос как можно более дружелюбным.

– Да, платье у мисс Вайолет замечательное! И, конечно же, я хотела бы узнать адреса этих прекрасных ателье, тогда мы сможем пошить для Роузмари платья ничем не хуже, чем у мисс Стрикленд.

Роуз, зная свою мать достаточно давно, чтоб безошибочно определять её настроения, моментально заметила красные щеки и лёгкую дрожь мышц лица. Миссис Фёрт была зла. Впервые зла на кого-то другого кроме Роуз.

– Вот и замечательно! Я рада, что теперь Роузмари будет лишена такой муки как корсет.

Эти слова миссис Стрикленд звучали удивительно искренне, и Роуз уже и не знала, что должна была испытывать к этой женщине. Отвращение или благодарность.

К сожалению мир не делится на чёрное и белое, поэтому Роузмари испытывала эти чувства одновременно.

На следующий день, когда Роуз было приготовилась к дневной скуке, в дом явились кавалеры. Солдаты Британской империи. Сейчас они были в красных костюмах, со сверкающим золотом на груди. Все молодые, высокие, стройные и ужасно шумные, желающие женского внимания и вина. Вина покрепче и побольше. И рядом с ними был Эдвард в своем черном костюме. Роуз заметила, что на их фоне он казался болезненным мальчиком. Худым, тихим и бледным, но при этом он был их лучшим другом.

Посыпались имена. Каждый желал познакомиться с Роуз, но она как могла держалась независимо и отказалась от вина.

В гостиной было ужасно шумно, но никто не спешил навести порядок, так как прислуге Эдвард дал распоряжение заниматься своими делами, а родителей Эдварда и Роуз просто не было в доме. Мистер Фёрт отправился в похоронное бюро вместе с мистером Фергюсоном, так как последний хотел показать родственнику свою работу, которой страшно гордился. А миссис Фергюсон увела свою кузину в гости к своей подруге для личного знакомства. Эдвард и Роуз как уже дети взрослые были оставлены дома одни с прислугой.

Роуз понимала, что для Эдварда это была прекрасная возможность привести в дом гостей, с которыми ему действительно хотелось проводить время.

Роуз сидела на диване, испытывая одновременно смущение и негодование. Она находилась в компании большого количества мужчин, а рядом не было ни одной женщины. Это могло ударить по репутации Роуз.

На диване слева от неё расположился один юноша, справа был Эдвард. Все остальные же расселись по гостиной кто куда, закидывая ноги в сапогах куда им вздумается. На подошве щедро налипла весенняя грязь. Они пили принесенное им вино, шутили, раскатисто смеялись и хотели танцев. Жаль, дама была одна.

– Значит, Вы родственница нашего Эдди? – спросил один из солдат.

– Да, я приехала из Бедфордшира, из Лутона. Всего на месяц, погостить.

– Прекрасная, прекрасная Роузмари, – с какой-то печалью в голосе пропел мужчина, – если будет возможность, я обязательно к Вам заеду в гости. Запомните меня! Имя мое Лешек Домбровский.

– Запомню, – растерянно ответила Роуз, – Вы не из Англии?

Мужчина в ответ рассмеялся, а потом ответил:

– Родился я в Лондоне, только родители мои из Польши. Переехали в своё время, отцу работу предложили. Решили ехать.

– Удивительно, не думала встретить кого-то с материка, но при этом не из Франции, – проговорила Роузмари.

Мужчина снова рассмеялся.

– Как видите, перед Вами чистокровный поляк! – он вдруг вскочил с кресла и очень низко поклонился.

– Не обращайтесь внимания, мисс Фёрт, просто Лешек очень любит себя показать, необходимо ему женское внимание как воздух, – ответил другой из солдат.

– Да, – вдруг подтвердил слова друга Эдвард, – Лешек у нас сердцеед. Так что, Вы, Роузмари, даже не смейте подходить близко к этому подхалиму.

– Что же Вы даме про меня глупости рассказываете? – мистер Домбровский сел обратно в кресло.

Мужчины засмеялись, хотя это было больше похоже на женское хихиканье сплетниц.

Роузмари уже начала чувствовать себя комфортно, надеясь, что гости уйдут до того, как в дом явятся родители. Словно опасаясь того же, вдруг заговорил один из солдат.

– Когда нам пора будет уходить? Не хотелось бы натолкнуться на твоих родителей, Эдвард.

Внешность у этого мужчины была привлекательная, только усы Роуз смущали. Не любила она ни бороды, ни усы. Ее отец всегда ходил с идеально выбритым лицом.

– Отец из похоронного бюро придет только к ужину ближе. Он не прекратит нахваливать свой бизнес, пока мистер Фёрт сам не потребует, чтобы они уже отправились домой. Я знаю его...

Рядом с друзьями Эдвард превращался в абсолютно другого человека. Казалось даже, что на лице у него выступал румянец, а глаза загорались блеском, пусть вина он не пил и глотка.

– ...они вошли внутрь, и, конечно же, мой отец покажет стопку благодарных писем от родственников усопших, где порой пишут такие хвалебные текста, какими даже не воспевали покойную королеву Викторию. Потом он покажет ему свою стойку, за которой принимает клиентов, и, конечно же, стойка эта сделана из очень древнего дуба, что рос на территории поместья его отца. Покажет кассовый автомат, купленный за огромные деньги. Будет хвалить свое бюро так, словно работает чуть ли ни директором в банке. Ведь его похоронное бюро лучшее в Лондоне! – Эдвард сказал это с такой иронией, сведя брови и прижав кулак к груди, что солдаты засмеялись, и даже у Роуз не получилось сдержать улыбку.

– А как же твоя мать? Миссис Фергюсон ушла с миссис Фёрт к подруге в гости, – заговорил Лешек.

– Да, и там они тоже надолго. Женщины не распрощаются пока не обговорят все, что есть на свете, не перемоют кости своим мужьям, детям, соседям и не обсудят новые женские моды.

– Вы не справедливы? – усмехнулась Роуз. – Слово женщины могут говорить только об этом.

– Ну а о чем еще, например? – спросил мистер Домбровский.

– Например, о Титанике, – ответила Роузмари, вспомнив как однажды вечером его обсуждали ее отец и мистер Фергюсон.

– И что Вы знаете о Титанике? – с легкой усмешкой спросил один из солдат, показавшийся Роуз очень неприятным.

– Что он будет 269 метров в длину, – ответила девушка, – его только начали строить по заказу «Harland & Wolff» в Белфасте.

– Все Вы знаете, – усмехнулся мистер Домбровский.

– Если Вы считаете, что женщины разговаривают только о новых лентах к платью или шляпках, то могу Вас заверить, Вы сильно заблуждаетесь, – говорила Роуз, понимая, что самым наглым образом лжет.

Она понимала, что, например, ее мать, или миссис Фергюсон, или кто-либо из других женщин Лондона даже если слышали что-то о строящемся корабле, то не находили в этом ничего интересного, чтобы об этом говорить. Они обсуждали моду, ткани, ленты, шляпки, перчатки и цены на все это, а когда их собиралось больше двух они жаловались на свою страшную долю. Они обсуждали мужей и детей, которые делают их еще более несчастными. И Роуз понимала, что Эдвард прав.

Слова Эдварда через два часа рассыпались в прах, когда в гостиную быстро, подхватив юбки платья, зашли две женщины. Первая с большими зелёными глазами и светлыми волосами, скреплёнными на затылке – мать Роузмари. Вторая с тёмными волосами, в которых были видны заколки с сапфирами, и с полоской тонких розовых губ – мать Эдварда.

– Милый мой, – спокойно заговорила миссис Фергюсон, – не помню, чтобы ты говорил что-то о своих сегодняшних гостях.

– Да, матушка, совсем из головы вылетело сказать тебе о моих друзьях, что хотели навесить меня сегодня.

Эдвард поднялся с дивана и осмотрел гостиную. Под силой его взгляда все джентльмены моментально сели ровно, опустив ноги ниже головы. Как и ожидала Роуз, первым заговорил Лешек.

– Добрый день, миссис Фергюсон! Рад Вас увидеть в крепком здравии.

Он поднялся со своего кресла и поклонился. Другие кавалеристы поспешили его примеру, здороваясь с хозяйкой дома.

Только в этот момент Роузмари заметила взгляд своей матери, что так и замерла в дверях гостиной. Девушка понимала, что её мать что-то злит, поэтому поспешила встать и подойти к ней.

– С тобой мы поговорим позже, – очень тихо проговорила она своей дочери, и направилась ближе к миссис Фергюсон.

Порка. Подобное наказание было для Роузмари чем-то странным, неоправданным и слишком жестоким. Когда гости были провожены из дома, миссис Фёрт с самым дружелюбным видом попросила дочь подняться с ней наверх. Вдвоём они прошли в комнату Роуз, там же она была и избита.

На теле девушки остались красные следы, кровоподтёки и синяки, образуя рисунок на ее плечах, спине и ногах. Но Роуз ни разу даже не вскрикнула и не дёргалась от боли, пытаясь вырваться из рук матери из-под плети.

Роуз была оставлена в своей комнате в разорванном платье с и растрепанной причёской, и, только когда её мать вышла из комнаты, позволила себе заплакать.

– Моя дочь распутная девица, – повторяла миссис Фёрт, наказывая дочь.

Внизу было тихо, и Роуз не знала, наказали ли Эдварда. Поправив волосы и вытерев слезы, она переоделась и спустилась вниз, словно никаких порок и не было.

Эдвард с самым обычным видом сидел в гостиной, допивая вино в своём бокале и листая какую-то книгу, закинув ногу на ногу. Сначала Роуз сочла, что внизу ничего не происходило вовсе, но, когда она вошла в гостиную, она увидела в другой части комнаты в кресле миссис Фергюсон, которая закрыла лицо платком и усердно работала веером. Рядом с ней стоял её муж с очень строгим видом и мать Роуз.

Комната была не идеальна. Здесь явно пытались драться, так как столик посередине комнаты был перевернут. На полу лежала перевернутая бутылка вина, светлый ковёр впитывал в себя пролитое спиртное. На стене покосилась картина.

Роуз молча оглянулась и вдруг миссис Фергюсон заговорила:

– За что мне такое наказание? Мать не слушает, отца не слушает. Может только пить, веселиться и приводить в наш дом этих бандитов! Так ещё и от свадьбы с мисс Стрикленд отказывается!

– Что стоишь слушаешь? – сквозь зубы спросила миссис Фёрт у Роузмари.

Девушка бросила последний взгляд на Эдварда и решила выйти из комнаты, слыша стоны миссис Фергюсон:

– С отцом подраться! С отцом! Управы на тебя нет, Эдвард! Позор ты мой! Семью так опозорить перед гостями! И Роузмари в таком свете выставить! А ведь она ещё дитя...

– Что ты, Марта! Роузмари сидела среди них осознанно. Не удивлюсь, если она и выпила вина. Негодница!

Девушка ушла в комнату напротив – столовую. Там можно было тихо сидеть, чтоб ее никто не увидел и слушать негодование миссис Фергюсон. Она понимала, что в одной из соседних комнат сидит ее отец, делая вид, что страшно занят пришедшими письмами, какими-то документами или книгой, но на самом деле слушая возмущения миссис Фергюсон и своей жены.

– Кетрин, девочка у тебя хорошая. В комнате этой она оказалась по удивительной случайности, я уверена. Не знает она, что друзья моего сына бандиты...

– Они кавалеристы, они военные, матушка, – слышался голос Эдварда, – они армия Британской империи!

– Ты слышишь, Кетрин? Он смеет спорить со мной!

Мистер Фергюсон стоял молча.

– Потому что Вы не правы, мама, – говорил Эдвард, – Ваши слова вздор!

Миссис Фергюсон вскрикнула. Её муж крикнул что-то нечленораздельное, и в гостиной снова началась потасовка.

Роузмари осталась на своём стуле в столовой, как вдруг кто-то тихо подошёл к ней со спины.

– Отец? – шепотом спросила девушка, понимая, что ее отец вошёл в столовую со второй двери, ведущей с кухни.

– А ты знаешь, Роуз, что подслушивать плохо, – ответил ей мужчина и сел рядом с дочерью.

Роузмари не успела ничего ответить, как из гостиной слышался звук битого стекла. Мистер Фергюсон крикнул что-то не приличное, и его жена вскрикнула: «Милый!».

– Вот спектакль! – мистер Фёрт усмехнулся. – Твоя мать и её кузина одна сатана! Вечно устраивают конец света из-за пустяка.

В гостиной стало стихать, снова начались стоны миссис Фергюсон.

– Вы считаете произошедшее пустяком? – спросила Роуз, глядя на отца.

– Конечно, очень плохо, что ты оказалась во все это втянута. Понимаю, ты сама гостья и не могла отказать Эдварду в своём присутствии в гостиной. В то, что ты пила вино, я не верю.

– Правильно, что не верите, отец, – проговорила Роузмари, – я не сделала ни глотка! А то, что эти люди... бандиты, я и не знала.

– Они не бандиты, Роуз, не бандиты. Так только кричит миссис Фергюсон, потому что она хочет, чтоб ее сын дружил с работниками банка и женился на мисс Стрикленд, а не дружил с военными и мечтал о жене на свой выбор.

– Мама высекла меня, – проговорила Роузмари, – называла распутной девицей.

– Она была всегда слишком строга к тебе, – мужчина пожал плечами и поправил очки, – что-то они совсем притихли.

Стоило сказать об этом, как в гостиной раздался страшный грохот, и в коридор выбежал Эдвард. Роузмари выбежала к выходу из столовой и посмотрела на юношу.

Взгляд у него был сумасшедший, волосы стояли дыбом. Он тяжело дышал, растягивая ворот рубашки, словно ему не хватало воздуха и вдруг крикнул:

– Не женюсь я на мисс Стрикленд! Я другую люблю.

В этот момент все замерли. Даже стрелки у часов встали, замолчало тиканье.

Не дожидаясь ответа шокированной матери, Эдвард сорвался с места и убежал вверх по лестнице. Где-то наверху хлопнула дверь.

– Любит другую? – спросил словно сам у себя мистер Фергюсон.

– Любит, – ответил ему мистер Фёрт.

Все стояли в коридоре.

– Но кого? – спросила миссис Фергюсон.

– Это сможет сказать только он, – ответила мисс Фёрт.

Повисла тишина. Долгая, тяжёлая, неприятная тишина, которую каждый присутствующий хотел разрушить, но не мог на это решиться.

В конце концов, прислуге было поручено прибрать в гостиной. Им было необходимо собрать осколки вазы, вычистить ковёр, собрать обломки сломанного падением шкафа и держать язык за зубами, чтоб до семьи Стрикленд не дошли такие ужасные факты о семье Фергюсон.

Вечером к ужину должны были прийти гости. Стрикленд посещали их почти каждый вечер. Гостиная к тому моменту была приведена в идеальный порядок, поэтому миссис Фергюсон была полностью уверена в том, что её будущие родственники ничего не узнают о семейной ссоре.

После самого ужина мужчины начали вновь свой разговор, в котором Роуз мало что понимала. Миссис Стрикленд и миссис Фёрт играли в шахматы, миссис Фергюсон за ними наблюдала, читая книгу, а сама Роуз осталась вместе с Вайолет, Эдвардом и своей вышивкой.

– Вы все ещё не закончили ее, мисс Фёрт? – заговорила мисс Стрикленд.

– Да, шить удаётся только по вечерам, и, – Роуз вдруг укололась.

Она отдернула руку, и на кончике указательного пальца появилась маленькая капля крови.

– и поэтому я все ещё вынуждена заниматься именно ей, – договорила Роуз, словно ничего не было.

– Вам не больно, Роузмари? – спросил юноша.

– Было немного, но уже прошло.

– Вы так терпеливы, – ответил ей он, – Вы, похоже, очень смиренны к боли.

– Но это не значит, что я бы хотела постоянно колотиться, – ответила Роуз.

– А вот я терпеть не могу боль! – вдруг воскликнула мисс Стрикленд. – Однажды я вышивала огромный пейзаж, такой, что длиной он был как мисс Фёрт, и так сильно укололась. Я думала, потеряю сознание. Матушка кое-как вернула меня в чувства!

В ответ они промолчали, обменявшись взглядами. Роуз продолжила вышивать, а Эдвард читал, иногда поднимая голову, читая вслух реплику героя и комментируя её. Что-то ему нравилось – он поддерживал героя, что-то – нет, и он высмеивал его слова и ругался. Роузмари слушала его, иногда отвечая на комментарии и смеясь. Вайолет сидела молча, наблюдая за ними и иногда все-таки пытаясь что-то сказать.

В конце концов, Эдвард заскучал и убрал книгу. Он тяжело вздохнул и посмотрел на Роуз странным тяжелым взглядом, потом перевёл взгляд на Вайолет, и заговорил.

– Поверьте мне, скоро будет война.

– Эти ужасные слова не кажутся правдивыми, кто посмеет бросить вызов Британской империи? – спросила Роузмари, заглядывая юноше в глаза.

– А возможно именно Британия бросит вызов, ослепленная собственным могуществом, – ответил он, – бросит вызов и потеряет все, что имела.

– Нет, я с Вами не соглашусь, – Роузмари выровняла спину, – эта империя никогда не будет разрушена! Даже если начнется война, даже если именно Британия бросит вызов, я уверена, она выйдет победительницей.

– Как скоро Вы предвещаете эту войну? – спросила Вайолет.

– Какой нынче год, дамы? – спросил Эдвард, откидываясь в кресле.

– Тысяча девятьсот девятый, – ответила Вайолет.

– Ну вот мы эту война застанем.

Слова мистера Фергюсона казались для Роузмари достаточно забавными, чтобы рассмеяться, но при этом они звучали так уверенно и так пугающе, что это не позволило ей даже растянуть губы в улыбке. Она просто сидела, не шелохнувшись, желая, чтобы вечер скорее закончился, и она смогла отправиться в свою спальню.

После этого разговора общение с Эдвардом потеряло прежнюю прелесть, и она пыталась проводить вечера занявшись вышивкой в одиночестве или же читая книги.

После приступа Роузмари в церкви было решено упразднить все платья с корсетом в ее гардеробе, ко всему сейчас активно развивалась совершенно другая мода, поэтому через пару дней после похорон миссис Барнетт, миссис Фёрт повела дочь в ателье и магазины мод. Для Роуз было куплено множество новых шляпок, лент и перчаток.

– Знаешь милая, кому ты должна сказать спасибо? – спросила миссис Фёрт, когда те выбирали платья.

– Кому же, матушка? – спросила Роузмари.

– Конечно же кутюрье по имени Поль Пуаре, – ответила ей мать, – он вывел из моды корсеты.

Девушка согласна кивнула, разглядывая выбор магазина.

– Есть события куда важнее, чем какие-то платья и корсеты, – вдруг заговорил продавец.

Обычный мужчина с сантиметровой лентой, висящей на шее, глаза которого горели какой-то идеей. Или так казалось Роуз из-за бликов его очков.

– Правда? – спросила миссис Фёрт. – Что для женщины может быть важнее?

– Боюсь, это важно не только для женщины, – ответил мужчина, – но и для всего человечества. А Вашей прелестной дочери я посоветовал бы вон то платье из атласа с шифоном, оно будет хорошо на ней смотреться.

– Вы разбудили во мне такой интерес, что я не могу говорить сейчас про платья, – ответила ему миссис Фёрт.

– Неужели Вы не слышали? – спросил с усмешкой продавец. – Сегодня пятнадцатое мая, а значит, что уже полтора месяца как в Белфасте строится Титаник! Вы слышали, что его сделают еще длиннее и роскошнее чем Олимпик?

– Ах, – женщина усмехнулась, – если Вы об этом, то мой муж только об этом и говорит с мужем моей кузины. Они с такими серьезными лицами садятся на диван, что ощущение, словно они обсуждают надвигающийся конец света. Что Вы говорили про платье?

Продавец был явно разочарован и продолжал обслуживать клиентов, не смотря на их предвзятое отношение к строящемуся кораблю.

Помимо всего прочего миссис Фёрт даже позволила себе купить для дочери духи. И теперь Роуз в новом образе мало отличалась от прекрасных дам Лондона.

В доме была тишина. Роузмари была в своём новом платье цвета топленого молока и стояла у окна в своей комнате. За ее окном, небольшим, с белыми кружевными занавесками шумел будничный Лондон. За несколько дней присутствия в столице, Роуз заметила, как быстро и резко сократилось количество экипажей с лошадьми. По дорогам шли автомобили. Люди оборачивались на них, обсуждали их и поражались тому, что лошади больше не нужны.

Вдруг внизу заиграла музыка, и Роузмари решила спуститься в гостиную. Там перед отцом хвастался мистер Фергюсон, показывая граммофон.

– Смотри, какое прекрасное новое приобретение! – говорил он. – Музыка теперь в нашем доме будет всегда.

– Я видел, ты ещё что-то припас, – проговорил мистер Фёрт.

– Конечно, ещё кое-что есть! – мужчина сдерживал довольный смех, запуская руку во внутренний карман. – Это! Лампочка! Лондон активно будет освещаться с помощью электричества! Долой газовые лампы. Отличная новость, правда, Эбейзер!

– Я видел, здания некоторые уже подключены к сети электроснабжения.

– Да, мы на очереди.

Лампочка. Роуз замерла в дверях комнаты, разглядывая прозрачную стеклянную грушу. Внутри неё были странные медные волосы.

Она бы так и стояла, но ее позвала мать. Женщины в это время сидели дальше в комнате. Миссис Фергюсон читала какой-то роман. На самом кончике ее носа были маленькие очки. Мисс Фёрт взялась за шитьё, а саму Роуз попросили сыграть что-нибудь ненавязчивое.

Сев за фортепиано, Роуз вспомнила, что знает только две арии, поэтому решила импровизировать. Смешивая мелодии, которые она когда-то изучала, она пыталась играть, как и попросила матушка, что-то не навязчивое. Через какое-то время она заметила, что все внимательно её слушают. За время её игры в комнату успел войти Эдвард и расположиться на диване.

– Милая, что ты играешь? – спросила миссис Фергюсон.

– Не знаю, что-то из моей головы, – ответила Роузмари, не обращая внимания на взгляды.

Миссис Фёрт уже начала краснеть и собиралась что-то сказать, как ее перебил ее муж.

– Роузмари, так в тебе живет непревзойденный композитор, – проговорил он.

– Что за глупости? – спросила его жена. – Женщина композитор? Созидать музыку способны только мужчины, женщины же должны только уметь правильно сыграть то, что до них написал настоящий композитор.

– Простите, матушка, что позволила себе полет фантазии, – ответила Роуз.

– Фантазии? Фантазии, это последнее, что ты должна себе позволять. Где твоя вышивка? Я требую, чтобы ты сейчас же села вышивать.

Роузмари послушалась. Она села на диван не далеко от Эдварда и стала вышивать, надеясь, что юноша не начнёт разговора, но он заговорил.

– Мне мелодия Вашего сочинения очень понравилась.

– Спасибо, – ответила девушка.

– Вы из-за чего-то явно обижены на меня, – мистер Фергюсон говорил тихо.

– Нет, я не обижена, я испугана некоторыми Вашими словами.

– Какими же?

– Вы говорили о войне, Эдвард.

– Простите, если напугал Вас. Я хотел предостеречь Вас, но не пугать.

– Я сочла это очень злой шуткой, – ответила Роуз, – разве можно шутить о таких ужасных вещах?

– Потому я и не шутил. Роузмари, я говорил правду. Как видно, друзья мои, в большей части, военные. А они лучше нас знают, когда ждать войны.

Девушка промолчала, продолжая вышивать. Теперь она была испугана ещё сильнее.

– Как война? – спросила Роуз. – Мир растёт, развивается. Посмотрите, электричество проводят, по городу ходят автомобили. И разом все рухнет в войне?

Эдвард смотрел на девушку с болью в глазах.

– Да, – тихо ответил он.

– Строят Титаник, самый большой корабль, началось новое столетие, и будет война?

Он молча кивнул.

– Какие прекрасные новости, – хмыкнула Роуз, и Эдвард улыбнулся.

Воздух стал легче, и они разболтались о чём-то постороннем. Никто им не мешал, даже когда Роузмари неприлично громко рассмеялась.

В этот день Стрикленд в гости не пришли, хотя Роуз считала, что после возмущений Эдварда о влюбленности в другую, ему будут навязывать общение с невестой.

Через пару дней на имя Роузмари Фёрт пришло письмо от Лешека Домбровского. По огромному везению, почту получил мистер Фёрт, а задавать дочери лишних вопросов он не стал.

Роуз ушла к себе, вскрыла письмо и прочла. По тексту было ясно, что кавалерист был полностью очарован девушкой, но ничего ответного она не испытывала.

Писать ли ответ, Роуз не знала, так как начинать личную переписку с мужчиной, с которой она познакомилась совершенно недавно, а после этого была за это наказана, она считала недопустимым. Она отложила письмо, не зная у кого просить совета. Сначала она решила спросить Эдварда, стоит ли доверять Лешеку, и, если он подтвердит, получить разрешения у отца.

Спустившись вниз, Роузмари застала юношу внизу в гостиной уже в привычной позе с книгой в руках.

– Добрый день, Эдвард, – заговорила Роуз, – я прошу прощения за беспокойство, но я хотела бы кое-что узнать.

– Добрый, Роузмари, – ответил юноша, поднимая взгляд на пришедшую, – что же Вы хотели узнать?

– Мне пришло письмо от одного из Ваших друзей, от Лешека Домбровского. Я хотела бы узнать, он человек заслуживающий доверия? – спросила Роуз, слегка наклонившись к юноше.

– От переписки вреда Вам не будет, Роуз, если Вы хотели знать именно это.

– Спасибо, Эдвард.

После этого девушка последовала к отцу. Тот сначала свёл брови, потом что-то сказал о том, что мама была бы недовольна, а миссис Фергюсон была бы так горько разочарована тем, что Роуз легко поддалась соблазну и начала переписку с бандитом, но в конце концов сказал:

– Можешь написать ему ответ, неприлично ждать молодого человека. Да и оставить письмо без ответа будет совсем не красиво.

После этого Роузмари все же написала ответное письмо.

Началась активная переписка. Роуз была вынуждена отвечать на письма Лешека раз в два дня, при этом у мужчины всегда находилось, что рассказать, а Роуз уже после третьего письма не знала, чем поделиться. В одном из писем мужчина попросил фотографию девушки, и та, воспользовавшись тем, что на днях миссис Фёрт повела дочь в фотоателье, сделала специальную фотографию для мистера Домбровского. Тот в ответ так же прислал свою фотографию.

Разглядывая ее, Роузмари ничего не испытывала, никаких нежных чувств по отношению к мужчине, который в каждом своём письме изливал нежность. На фотографии Лешек получился очень красивым, внешность казалась приятной и привлекающей, но она помнила его в действительности, сидящим в кресле, с ногами выше головы. У него были явно выраженные угловатые скулы, глубоко посаженные глаза, кустистые чёрные брови, тонкие губы и копна чёрных как смоль, блестящих вьющихся волос. Внешне Роузмари он совершенно не нравился.

Его фотографию она спрятала между книг и попыталась о ней забыть, но очень скоро ей про нее напомнили.

В один из вечеров, когда Стрикленд не пришли в гости, а с присутствия в Лондоне прошло уже почти две с половиной недели, Роузмари сидела в гостиной и вышивала. Рядом сидел Эдвард, читая. Мужчины разговаривали о своём.

Вдруг, с резким порывом ветра, в гостиную вошла миссис Фёрт, за ней спешила миссис Фергюсон.

– Ты оказалась ещё более испорченной, чем я считала! – выкрикнула миссис Фёрт, хватая дочь за руки.

Роузмари уронила вышивку на пол.

– Смотри! – женщина протянула письмо, на котором было написано кому оно и от кого. – Что это? Что это? Ты ведёшь переписку с одним из бандитов, что были в тот день здесь!

Все были в полной растерянности. Миссис Фергюсон стояла с явным разочарованием на лице, мужчины замерли и прислушались.

Роузмари молчала.

– Давай посмотрим, что внутри!

Женщина порвала конверт и достала само письмо. Словно специально, чтоб ещё больше опозорить дочь, она читала вслух.

«Дорогая, милая Роузмари!

Как же я рад, что тогда я пришёл в дом Фергюсонов, ведь иначе я бы не познакомился с такой прекрасной особой как Вы.

Вы изумительны! Я храню Вашу фотографию у сердца! Надеюсь, мою фотографию Вы бережёте не меньше моего. Спасибо небесам, что тогда они свели нас!

Не беспокойтесь, милая Роузмари! У меня есть и деньги, и связи, определенное наследство, как в Британии, так и в Польше. Родители мои, конечно, хотят, чтоб моя жена была чистокровной полячкой, но я так не желаю.

Когда Вы вернётесь в Лутон, я предстану пред Вашими родителями и попрошу благословения.

Я жду нашей новой встречи как притока свежего воздуха. Роузмари, вы очень умны и красивы, знаю, что и очень талантливы. Хочу видеть Вас своей женой! Матерью моих детей! Хозяйкой в моем доме.

Прощаюсь с Вами, моя любовь.

Ваш Лешек Домбровский».

Роузмари полностью обмякла, не зная, на что реагировать в первую очередь. В тот момент ей впервые в жизни сделали предложение руки и сердца, но при этом на неё смотрело столько глаз.

Ее мать так же растерялась и обернулась к мужу. Пользуясь моментом, мужчина заговорил:

– Я разрешил вести Роузмари переписку с этим молодым человеком, но что все так серьёзно, я даже не догадывался.

– Он зовёт её в жены, – ответила ему миссис Фёрт.

– Этот бандит? – возмутилась миссис Фергюсон.

Эдвард встал на ноги, прошёлся вдоль комнаты и попросил письмо у мисс Фёрт, желая прочесть душевные переживания своего друга самостоятельно.

– Ответ только на один вопрос, Роузмари, – заговорил мистер Фёрт, – ты любишь этого джентльмена?

– Что ты говоришь!?! Она не любит его и любить не может! Он же бандит! Связь Роуз с ним может опозорить нас! – твердила миссис Фёрт.

– Я не люблю его, отец. Я даже не догадывалась, что чувства его ко мне настолько глубоки. Мы ведь и виделись всего раз.

Мужчина в ответ лишь понимающе закивал, а потом перевёл взгляд на жену.

– Как видишь, паниковать нечего. Она не хочет замуж за него.

– Значит, Роуз, ты напишешь ему ответное письмо, где отвергнешь его предложение, – женщина протянула дочери ее письмо, – и сегодня же!

Роуз молча кивнула и приняла письмо. Весь вечер она думала над ответом, объясняя реакцию родителей и отсутствие собственных чувств, но заметив, что письмо получается слишком жестоким, взялась за него сначала.

«Очень жаль Вас огорчать, мистер Домбровский, но браку нашему не предстоит состояться. Простите мне мою прямоthu, но по-другому сказать я Вам не могу – я Вас не люблю, а любила бы, то мои родители не позволили бы нам пожениться. Они наслышаны от миссис Фергюсон, что человек Вы нечестный. Простите меня, что возможно своими ответными письмами я ввела Вас в заблуждение и заставила поверить в наличие у меня нежных чувств к Вам. Надеюсь, Вы останетесь мне верным другом.

Ваша Роузмари Фёрт».

Глубоко вдохнув, Роуз запечатала письмо.

Ответа не последовало до самого отъезда Роузмари из Лондона. Письмо принесли после обеда, и Роуз открыла его будучи в гостинной.

Она быстро прочла письмо, наполненное болью и обидой, порвала его и выбросила, пытаясь вычеркнуть из памяти имя «Лешек Домбровский».

Предстоял путь обратно. Миссис Фергюсон и миссис Фёрт слезно прощались, обнимаясь и целуя друг друга в щеки. Мужчины пожали друг другу руки и начали обсуждать необходимость мистеру Фёрту обзавестись собственным автомобилем.

Домой Роузмари ехала со своими родителями и камеристкой в запряженном экипаже.

Лутон встретил Роузмари тёплым июньским солнышком. Пусть он находился не далеко от Лондона, в воздухе чувствовалась провинциальность небольшого городка. Пара магазинов женских мод продавали то, что в Лондоне уже не носили, но гордостью городка, как и было видно по вывескам и витринам, были сделанные в этом городке шляпы. Здесь все было точно так же, как и месяц назад.

Дома, в родном поместье, Роуз показалось холодно и одиноко. Миссис Фёрт занималась чтением, мистер Фёрт сидел в своём кабинете, занимаясь своими обязанностями, поэтому Роузмари осталась один на один с собой.

Про Лешака Домбровского она пыталась не вспоминать, но про Эдварда вспоминала очень часто. Она пыталась не думать о разговорах о войне, она больше жалела, что сейчас его нет рядом, и она вынуждена мириться с одиночеством.

Через пару дней в Лутоне, к Роуз пришла её подруга, и они решили отправиться прогуляться по городку. Прячась от летнего солнца под одним большим зонтиком, они шли вдоль дороги мимо магазинчиков и лавок.

– Ты приехала из Лондона удивительно печальной, – говорила ей подруга, – там видимо было гораздо веселее, чем здесь.

– Возможно, Энн, ты и права, – ответила Роуз, – там были ежедневные гости, пусть и не совсем приятные, и я очень много общалась с разными людьми.

– Конечно! В столице совсем другая жизнь, глупо даже сравнивать ее с нашим покоем.

Девушки замолчали, разглядывая шляпу на витрине.

– Ты представляешь, Энн, пока я была в Лондоне, мне успели сделать предложение.

Роуз и не заметила, как рассказала это, хотя думала, что мистер Домбровский забыт ею навсегда.

– Правда? – Энн явно развеселилась. – Так ты выходишь замуж? Кто он?

– Он кавалерист, зовут его Лешек Домбровский. Он поляк. Но замуж я за него не пойду.

– Как не пойдёшь? Ты отказала? – спросила девушка.

– Да. Не люблю тебя, сказала. Да и родители были против. Не хорошо кузина матушки отзывалась об этом Лешаке, бандитом называла.

– Вот это да, – Энн улыбалась, – ты у нас в себя влюбила бандита.

Девушка в ответ лишь молча кивнула, и они пошли дальше, заглядывая в витрины магазинов.

День сменялся днём, и каждый день тянулся невозможно долго. Никто Роузмари письма не писал, гости редко посещали их, и то, это были гости её родителей, а не ее.

Иногда Энн приходила к Роуз в гости, и они вдвоём сидели в одном из салонов первого этажа, вышивая и выпивая чая.

– Мисс Шарп, а Вы ни разу не были в Лондоне? – спросила миссис Фёрт, зайдя к ним однажды в салон.

– Нет, отец бывает ездит туда иногда, но ни я, ни матушка ни разу там не были, – ответила Энн.

– Очень жаль, всем нужно хоть раз увидеть Лондон. Это большой, развивающийся город. Там очень скоро все дома будут освещаться с помощью электричества, и там уже никто не использует лошадей. Там ездят на автомобилях!

– Словно сказка какая-то! – удивилась Энн. – Экипаж без лошадей? Автомобиль едет сам?

– Да, мисс Шарп, – отвечала ей миссис Фёрт, – благодаря двигателю... забыла...

– Внутреннего сгорания, – подсказала Роузмари, понимая, что все это женщина услышала из разговоров своего мужа.

– А как это понять, внутреннее сгорание? В двигателе огонь?

Никто не смог ответить на вопрос Энн, так как в нем не разбиралась ни Роузмари, ни ее мать. Миссис Фёрт могла говорить только то, что случайно услышала от мужа, Роуз же пыталась подчеркнуть знания не только из разговоров мистера Фёрт, но и из газет, что приносили раз в день по утру.

Про Титаник говорили все больше и больше, описывая все его будущие характеристики. Люди, имеющие толстый кошелек и проживающие в Лутоне, а таких было очень мало, мечтали купить билет в первый класс и отправиться в Новый свет – в США.

И в этом развивающемся мире война?

От миссис Фергюсон пришло письмо в начале августа, где сообщалось, что она счастливица обладательница электрического освещения. В этом письме она передавала приветствие от Эдварда для Роузмари, и девушка решила воспользоваться этим для личного письма для Эдварда. В нем она честно призналась, что ей не хватает юноши в родном поместье, без него ужасно одиноко и совершенно нечем себя занять. Расспросила его, как дела состоят в Лондоне, не собираются ли его насильно женить на мисс Стрикленд, не наступит ли скоро война и не собирается ли он в гости к ней в Лутон.

Ответ пришёл скоро. В нем Эдвард рассказал, что в Лондоне все спокойно, и война не наступит в этом году. Сообщил, что свадьба все-таки расторгнута, так как в очередной раз, когда Вайолет была у них в гостях, он прямо ей так и сказал, что любит другую. Поделится, что в Лондоне уже почти везде электрическое освещение, и он пишет ей это письмо в свете настольной лампы. И сказал, что обязательно приедет в начале осени вместе со своими родителями, пообещав лампу в подарок.

Так начался регулярный обмен письмами с Эдвардом. Днём Роуз гуляла с Энн, иногда с ней же выпивая чая и вышивая или играя в карты или шахматы. Вечером Роуз читала в одиночестве в свете свечи, с улыбкой вспоминая, что Эдвард намерен подарить ей лампу.

Лето вышло достаточно тёплым. Температура не опускалась ниже двадцати градусов, даже когда за окном шёл дождь, но и аномальной жары не наблюдалось. Должна была прийти осень, и Роузмари ждала приезда Эдварда с его семьёй.

Третьего сентября всей семьей они вышли на улицу, когда автомобиль мистера Фергюсона был вдали еще маленькой черной точкой. Из Лондона мистер Фергюсон привез новое модное веяние – курительная комната. Мистер Фёрт и мистер Фергюсон исчезали в ней каждый раз после обеда, но Эдвард оставался с Роузмари. Специально для курения была переделана небольшая библиотека, окна которой выходили на поле. Миссис Фёрт даже пожертвовала для благоустройства комнаты двумя обрезками бархатной ткани, так как занавески в комнате обязаны были быть из бархата.

– Да, отец вычитал это в какой-то газете, курение табака сейчас в моде, – говорил Эдвард, когда они шли с Роуз по коридору первого этажа.

– Отец пахнет очень неприятно, когда выходит оттуда, да и обычно пьян, – ответила Роузмари.

– Конечно, они там пьют, бренди, – ответил юноша.

– Откуда Вы это знаете? Я заметила, что Вы не ходите в курительную комнату.

– Я был там пару раз, но я не нахожу курение табака чем-то занимательным, – ответил ей Эдвард.

– Я рада, что Вы приехали, Эдвард. Здесь без Вас было ужасно тоскливо.

– Я тоже рад, что приехал. Мне всегда было интересно увидеть Ваши родные места. Лутон симпатичный городок.

– Но он все равно не такой, как Лондон, – Роузмари слегка покачала головой.

– Вам понравился Лондон?

– Да, – Роуз кивнула, – прекрасный город, наверное, я хотела бы там жить.

– Может Вам повезет, Роузмари, и Вы будете жить именно там, – ответил ей юноша.

– Как прошло Ваше лето?

– Я Вам писал, – Эдвард пожал плечами, – я помогаю отцу в бюро, в конце концов, оно достанется именно мне, но не думаю, что хочу заниматься этим. Продам его и займусь чем-то более приятным. Каждый день лета я провел там, даже ни разу не свиделся с друзьями.

– Кавалеристы? – уточнила Роузмари.

– Да, именно они, поэтому Лешека я не смог увидеть. Надеюсь, он не сильно горевал после Вашего отказа.

– Вы за него переживаете? – спросила Роуз.

– Немного есть, но я не буду что-либо говорить, дабы не разбудить в Вас чувство вины. Он сам виноват, наивно поверил, что такая как Вы полюбит его.

– Такая как я?

– Да, такая потрясающая девушка.

– Вы мне льстите, Эдвард, – Роузмари засмеялась, – я верю, что подобные вещи мог говорить мистер Домбровский, ослепленный нежными чувствами, но Вы-то? Нет, Вы так не думаете.

Юноша в ответ промолчал, и Роуз почувствовала себя уязвленной. Они прошли дальше по коридору и оказались в уже пустой столовой, ярко освещенной осенним солнцем. Девушка прошла к окну и присела на подушку на подоконнике, наблюдая, как Эдвард осматривает картины.

– Здесь мало что интересного, – заговорила Роуз, – в нашем поместье совершенно нечем заняться, но я знаю, что сегодня вечером в Лутоне танцы.

– Бал? – спросил Эдвард, оборачиваясь через плечо. – Вы идете?

– Мы с моей подругой Энн договорились там присутствовать, с нами идут наши матери, – ответила Роуз, – хотели бы Вы, Эдвард, пойти с нами?

– И Вы познакомите меня с прелестными жительницами Лутона? – спросил юноша, подходя к ней ближе.

– Не знаю, как со всеми, но с Энн познакомлю точно.

Энн Шарп была ниже Роуз почти на целую голову, пусть была старше почти на год. Она была очаровательной блондинкой, которой почему-то природа дала карие глаза. Кожа у нее была с легкой смуглостью, а руки настолько миниатюрны, что, глядя на них можно было с уверенностью сказать, что они детские. Отец Энн занимался ремонтом обуви, а ее мать продавала домашний хлеб на улице возле их дома. Энн была самой обычной крестьянской девушкой, надеющейся, что в один прекрасный день она выйдет замуж за дворянина. Она ходила в скромных платьях в отличие от Роуз, у нее не было личных зонтов, которыми она могла бы

укрываться от солнца, дождя или снега, потому к сентябрю на лице ее образовался неравномерный сильный загар, из-за чего она выглядела так, словно перепачкалась в огороде.

Миссис Шарп (мать Энн) была рыжей женщиной с карими глазами, чье лицо было полностью усыпано веснушками. Руки были грубыми, крупными, и сама женщина была полной, тучной. Одежда ее была скромной. Но при этом она была очень общительной и приятной женщиной, к которой всегда можно было обратиться.

В тот вечер, они все встретились возле необходимого места, и Роузмари, как и обещала познакомила Эдварда с Энн. Девушка сначала растерялась, забыла, как делать реверанс, но все же взяла себя в руки и ответила Эдварду на знакомство. Сегодня Энн была в скромном желтом платье, которое ей было великовато, а шляпу она надела не ровно, отчего прическа измялась и спутанные волосы торчали у ее правого уха.

Они прошли внутрь. Там уже все танцевали. Люди пили и знакомились, и, как и хотела Роузмари, Эдвард пригласил Энн на танец. Сама Роуз расположилась на скамье у стены и смотрела как ее друзья танцуют.

Почему-то вдруг Роузмари поймала себя на мысли, что не хотела бы, чтоб Эдвард полюбил Энн. Эта мысль была настолько внезапной и болезненной, что девушка поднялась на ноги. Ей хотелось срочно с кем-нибудь потанцевать.

Удостоверившись, что миссис Фёрт и миссис Шарп не скучают, завязав диалог, Роузмари приняла приглашение на танец, и уже очень скоро она кружила по залу в танце, даже не обращая внимания, кто ее партнёр. Теперь думать она могла только о болезненном ощущении внутри, которое возникало, когда танцующая пара Эдварда и Энн попадала в поле ее зрения.

Следующий танец Эдвард решил подарить Роуз. Она согласилась, но радости не испытывала, так как ее все еще беспокоило странное чувство внутри.

– Вы прекрасно танцуете, – начала разговор Роузмари.

– Спасибо, – ответил юноша.

– Надеюсь, танец с Энн Вам понравился. Она хорошо танцует! – говорила Роуз, испытывая нетерпение от ожидания его ответа.

– Да, Ваша подруга танцует просто замечательно, я и не заметил, как танец закончился, – ответил ей Эдвард, – если Вы не против, следующий танец я бы снова хотел подарить ей.

– Нет, что Вы, конечно, Эдвард, – говорила Роуз, чувствуя что-то очень странное, но похожее на гнев, – потанцуйте с ней.

– Вы уверены? – спросил юноша, и Роузмари что-то укололо внутри.

Роузмари колебалась. Ей хотелось сказать одно, но следовало говорить совершенно другое. Глубоко вдохнув, Роузмари ответила.

– Да, конечно. Но только не забывайте и про меня! Не хотелось бы весь вечер просидеть в одиночестве.

– Ничего, Роузмари, я думаю, в одиночестве Вы не останетесь.

Слова Эдварда ранили Роуз. Когда танец закончился, он поспешил пригласить Энн на следующий.

Роузмари приглашали на танцы другие молодые люди, она танцевала с ними, а Эдвард больше не подходил к ней, чем только еще сильнее терзал ее сердце. Весь оставшийся вечер он протанцевал с Энн, и по девушке было видно, насколько сильно она этому рада. Она улыбалась так широко и часто, что Роузмари поняла, что ее подруга просто без ума от Эдварда.

Танец закончился, и Эдвард отправился за напитками, так как в зале становилось жарко. Роузмари прошла к скамье, и к ней подседа подруга.

– Роузмари, милая моя Роуз! Спасибо тебе большое, что ты познакомила меня с ним! – Энн не скрывала эмоций. – Он замечательный! Он просто потрясающе танцует. И он очень умен! И с ним так весело, и интересно! Роуз, он мне так понравился!

– Я рада за тебя, Энн, – ответила ей девушка, пытаясь как можно искренне улыбаться.

Начался очередной танец. Роузмари никто не позвал, потому она осталась сидеть на скамье у стены. Эдвард танцевал с Энн.

Бал должен был закончиться глубокой ночью, но Роузмари хотела вернуться домой уже сейчас. Понимая, что она не сможет объяснить матери столь ярое желание вернуться домой, она осталась сидеть на скамье, отказывая в танцах тем, кто к ней подходил.

– Отчего ты отказала всем этим джентльменам? – спросила Энн, подойдя к подруге.

– Знаешь, что-то я не важно себя чувствую, – говорила Роуз, – от танцев уже кружит голову, но я не хотела мешать тебе получать удовольствия от танцев, потому решила посидеть и дожидаться, когда бал закончится, и мы сможем все вместе уйти.

Роузмари откровенно лгала, но подруга сейчас была не способна отличить ложь от правды, поэтому воскликнула.

– Какая же ты милая, Роуз, но жертвовать собой было совершенно не обязательно. Эдвард здесь на две недели, так что я его еще увижу, а вам нужно возвращаться домой, раз ты плохо себя чувствуешь.

Роузмари благодарно ей улыбнулась, и миссис Фёрт, Эдвард и Роузмари отправились домой.

Когда они вышли на улицу, от радости, что Роуз смогла украсть Эдварда из цепких рук подруги, была готова рассмеяться, но истинных эмоций показывать было нельзя. Сведя брови, она демонстрировала насколько же сильно ей плохо от всех этих танцев.

Эдвард шел к ней очень близко, готовый подхватить ее, если она начнет падать в обморок. И пару раз она чувствовала, как его рука слегка касалась его талии, словно готовая если понадобится подхватить Роуз. Это делало сдерживание эмоций еще более сложной задачей.

В поместье Роуз ушла к себе, где уже смогла выплеснуть как отрицательные, так и положительные эмоции, сославшись, что она хочет прилечь.

Только от разрушительной эмоции ревности Роуз смогла понять, что Эдвард ей нравится. По-настоящему нравится.

На следующий день после завтрака в доме появилась нежданная гостья. Энн Шарп одела свое лучшее платье и даже воспользовалась румянами, а глаза подвела черной пастой. Она была очень любезна, приятна и широко улыбалась. Когда к ней вышел Эдвард, она засияла как утренняя звезда, и Роузмари почувствовала легкое облегчение, заметив, что Эдвард был расстроен подобным визитом и вел себя дружелюбно, но холодно.

– Рад Вас видеть здесь, – говорил он, – но не думал, что Вы придете в гости в столь ранний час.

– Простите меня, мистер Фергюсон, если я помешала Вашему утреннему досугу, просто я так сильно хотела снова оказаться в компании Вас и Роузмари. Мне кажется, мы вчера прекрасно сходили на бал.

Роуз понимала, что Энн просто снова хотела увидеть Эдварда.

– Да, вчерашний вечер был вполне не плох, мне понравился бал. Это был мой первый бал в Лутоне, – ответил юноша.

– Первый и не последний, я слышала, что на следующей неделе планируется новый бал, в среду. Думаю, Вы бы хотели пойти.

Эдвард ответил после небольшой паузы:

– Очень приятно Ваше приглашение, мисс Шарп, но думаю, я лучше останусь здесь в поместье. Дело в том, что в следующий четверг мы с семьей уезжаем, и я буду собирать свои вещи в среду вечером.

– Это печально, – лицо Энн помрачнело, – но может Вы сложите вещи вечером по вторник?

– Боюсь, мисс Шарп, я вынужден отказать в предложении, – ответил юноша.

Девушка пыталась сделать вид, словно его слова ее не ранили. Она улыбалась, но не так счастливо, как до этого, и понимающе кивнула в ответ. После этого она вдруг вспомнила про неотложные дела и поспешила покинуть поместье. Поцеловав Роуз на прощание и попросив передать приветствия всем остальным членам семьи, она выскочила на улицу и поспешно направилась к воротам. Роуз долго смотрела ей в след, ничего при этом не испытывая.

Эдвард и Роуз остались одни, они вернулись в гостиный салон. Юноша продолжил чтение, Роуз взяла в руки вышивку. Она сидела в кресле у окна и наблюдала за юношей, в голове которого проходили активные думы, так как было видно, что он постоянно отвлекается от чтения, сдвигая брови.

– А Вы ведь ей понравились, мистер Фергюсон, – заговорила Роуз.

Эдвард вдруг тяжело вздохнул и перевел взгляд на девушку.

– Я это понял, когда она пришла сюда, когда на часах нет и одиннадцати утра.

– Вчера Вы дали ей ложную надежду, что и она Вам нравится, – проговорила Роуз, отложив вышивку и встав.

– Значит, Вы неправильно меня поняли, – ответил ей Эдвард.

– Тогда разъясните мне свое вчерашнее поведение, ведь Вы разбили девушке сердце.

Роузмари обошла диван, на котором сидел Эдвард и встала прямо перед ним.

– Я ее пожалел, – коротко ответил юноша и опустил взгляд в книгу.

– Пожалел? Эдвард, я прошу конкретики.

– Она не красива, Роузмари, – ответил ей Эдвард, снова поднимая взгляд, – бедна и не красива, ко всему и глупа. На Вашем фоне она проигрывает, ведь Вы полная противоположность. Мы пришли вместе, я мог бы танцевать с Вами или с кем-либо еще, Вас тоже звали на танец. Вы не были обделены вниманием. Если бы я не танцевал с ней, она была бы одна. Сидела бы на скамье и ненавидела нас. Я не знал, не догадывался, что моя любезность может стать у нее основой для появления нежных чувств ко мне.

– Вы сейчас говорите о моей подруге, Эдвард. Как по мне она вполне очаровательна.

– Возможно, Вы и правы, но я перестал замечать женскую красоту у девушек кроме той, что украла мое сердце.

Роуз смотрела на Эдварда, он – на нее. Но девушка больше не осмелилась задать хоть один вопрос. Она развернулась и ушла к своему креслу у окна. Вышивка помогла ей забыть слова Эдварда о том, что у него есть дама сердца.

Энн больше не появлялась, и Роуз понимала, что она больше не явится сюда, пока в поместье был Эдвард.

До отъезда его семьи оставалась неделя.

Пока в поместье Фёрт были гости из большого города, к ним постоянно приходили жители Лутона, так как все хотели узнать новости из Лондона и получить подтверждение всему, что написано в газетах.

– Да, это правда, и в моем доме тоже уже есть электричество, – гордо говорил мистер Фергюсон, – да, это тоже правда, для автомобилей не нужны лошади. Хотите я покажу свой? Мы с семьёй приехали на нем из самого Лондона.

Автомобиль мистера Фергюсона был главной достопримечательностью двора поместья. Гости с любопытством рассматривали диковинку, мужчины среди которых просили рассказать про этот волшебный двигатель, что заставляет экипаж двигаться.

– Да, в Лондоне уже почти все ездят на них, кто может себе это позволить, – говорил мистер Фергюсон, – а я зарабатываю почти четыре тысячи фунтов в год. У меня своё личное похоронное бюро!

Мистер Фергюсон хвастал себя как мог перед наивным населением Лутона, которое смотрело на него как на спустившегося с небес ангела. Ему это льстило. Он сиял как никогда, казалось, что он даже забыл, что злился из-за расторжения свадьбы Эдварда.

В один из прекрасных дней пришёл мистер Синглтон. Любимиц миссис Фёрт, так как именно он устраивал обычно балы в Лутоне, рассеивая ужасную скуку. Мистер Синглтон жил в большом особняке в самом городе, имел очень добрую репутацию и сам отстроил небольшой театр, где и проводились все балы Лутон. Обычно балы проводились раз в неделю, бывало и реже, если мистер Синглтон покидал город из-за дел. Так же проводились пышные балы в праздники.

Он был высок, с узкими плечами и толстым животом. Густыми усами и очень светлыми, почти водянистыми глазами. Ему было около шестидесяти. Мистер Фергюсон сразу во время знакомства решил произвести впечатление на гостя, сообщив, что он из Лондона. Мистера Синглтона это никак не удивило, и он не выразил восхищения, которого так ждал мистер Фергюсон.

– Лондон не далеко отсюда. Полтора часа, и я сам там. Вот если бы Вы приехали с Луны.

Мистер Фергюсон не растерялся, и после званного ужина пригласил гостя в курительную комнату.

– О, так Вы отдаёте дань моде, мистер Фергюсон, – мужчина усмехнулся, – как жаль Вас огорчать, но я не курю.

Тогда уже мистер Фергюсон достал из рукава джокера и вывел мистера Синглтона на улицу, демонстрируя автомобиль.

– Вы, должно быть, хотели меня поразить? – холодно спросил гость. – Но нет, не удалось. Дело в том, что я сам хозяин двух автомобилей.

Мистер Фергюсон хотел уже что-то сказать, но его перебил мужчина:

– Да, я знаю, что в Лондоне провели электричество.

Больше мистер Фергюсон не пытался поразить гостя. Он был явно разочарован. И больше никому из гостей не хвастался до самого отъезда, иногда вздыхая и сводя брови, когда видел, что гости жаждут увидеть автомобиль, про который уже все говорили в Лутоне.

Миссис Фергюсон же была на седьмом небе с счастья, когда снова увидела кузину. Они вместе проводили очень много времени, сетуя о мужьях и детях. Миссис Фергюсон привезла из Лондона шоколад и обрез ткани для платья миссис Фёрт, поэтому они могли разговаривать только о том, как миссис Фёрт пойдёт в ателье со своей тканью заказать пошив. Иногда они включали музыку на граммофоне, и кружили в дальней гостиной комнате в матчише с невидимыми партнерами, а потом громко над этим смеялись. Им было даже веселее, чем в Лондоне, потому что они знали, что могут вести себя так, как им угодно, ведь никто не видит их в Лутонской глуши в поместье мистера Фёрт.

Это были две молодые красивые женщины, вероятно вышедшие замуж слишком рано для своего возраста. Миссис Фёрт вышла замуж едва ей исполнилось семнадцать из-за вспыхнувшей горячей любви к мистеру Эбнейзеру Фёрт, а через год она уже стала матерью Роуз-мари. Ее муж был значительно ее старше – на момент их свадьбы ему было почти двадцать восемь лет. Миссис Фергюсон не могла похвастаться чувствами к своему мужу, так как замуж её выдал отец, как он считал, за респектабельного джентльмена с особняком в Лондоне, и она порой понимала, что мужа своего ненавидит всей душой. И только в компании миссис Фёрт она забыла о том, что вынуждена называть мужем совершенно чужого ей человека, возвращаясь душой в прекрасную юность. Ей было чуть больше тридцати пяти.

Роуз-мари пыталась им не мешать, проводя свои дни обычно с Эдвардом в другой части дома. Он не общался со своим отцом и мистером Фёртом, полностью посвящая своё время ей. Как и обещал, он привёз ей лампу.

– Лутон мне нравится все больше и больше, – сказал Эдвард, услышав смех своей матери и звуки граммофона.

– Отчего? – спросила Роуз.

На этот раз она занималась шитьем.

– Здесь все кажутся такими счастливыми. Матушка при моей памяти никогда так громко не смеялась. Вернёмся мы в Лондон, и вся её радость растает.

– Возможно, Вы и правы, мистер Фергюсон, – отвечала Роуз, не поднимая взгляда от шва, над которым работала.

– Им так весело, – Эдвард грустно вздохнул.

– А Вам, я вижу, должно быть грустно, – Роуз все-таки отвлеклась от шитья.

– Когда должен был быть бал? – спросил юноша.

– Было бы очень некрасиво явиться туда после отказа в приглашении Энн.

Роуз снова вернула внимание к шитью.

В выходные Эдвард и Роуз решили прогуляться, и к ним присоединились их матери, желая посетить церковь Святой Марии. Это была огромная церковь, поражающая своими масштабами. Башня церкви была видна в любой части Лутона, даже из окон поместья мистера Фёрт.

Вспоминая опыт посещения церкви в Лондоне, Роуз пыталась дышать как можно глубже (благо ей ничто не мешало это делать), дабы не потерять сознание. Благо, в Лутоне населения гораздо меньше, чем в Лондоне, да и размеры церкви позволяли ей вместить в себя все население городка. Роуз чувствовала себя комфортно, но несмотря на это, Эдвард пытался держаться как можно ближе, и однажды даже спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.